

Елена БРАЖНИКОВА

**ЗАПИСКА
БЕЗ ПОДПИСИ**

Повесть

**Новокузнецк
2018**

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Елена БРАЖНИКОВА

**ЗАПИСКА
БЕЗ ПОДПИСИ**

Повесть

Новокузнецк
2018

ДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Б 87

БРАЖНИКОВА Елена Кирилловна

Записка без подписи : повесть / Елена Бражникова ;
Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя ;
Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ». – Новокузнецк: Издательство «Ник без
Сотрапи», 2018. – 54 с. 12+

Фото 1990 года

БРАЖНИКОВА Елена Кирилловна родилась 5 июля 1959 года в г. Прокопьевске. Закончила Новокузнецкий педагогический институт (факультет иностранных языков) в 1981 году.

В КЛФ «Контакт» пришла осенью 1986 года. Активный участник ролевого движения. Вице-президент КЛФ «Контакт». Первая публикация – статья «Феномен Толкиена, или Размышления дилетанта о любимом писателе – в газете «Кузнецкий рабочий» 4 января 1992 года. Стихи Елены печатались в городских газетах и журналах, в клубных поэтических сборниках.

1.

Записка вывалилась из тетради по информатике за пару минут до звонка на урок.

Бумажка и бумажка, мало ли какие обрывки с «мордами», как называет их мама, валяются у меня по всем учебникам и тетрадкам! Я подняла её исключительно потому, что наша информатичка Светлана Петровна просто трясётся над чистотой вокруг своих драгоценных компьютеров, и лишняя истерика по этому поводу была мне совершенно ни к чему. Машинально развернула сложенный вдвое листок перед тем, как выкинуть его в корзину, мельком глянула... И остолбенела. Крупными печатными буквами по диагонали страницы шли слова:

ЛЮСЯ! ЛЮСЕНЬКА... Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!

Подписи, ясное дело, не было. Я быстро окинула взглядом наших бандерлогов. С них станется подкинуть такую писульку, а потом тихо угорать, наблюдая за моей реакцией. Развлечения у них, типа, интеллектуальные.

Но всем было вроде бы не до меня. У Пашкиного стола сгрудились мальчишки, и, судя по отдельным репликам, он хвастался перед ними очередным ну, о-очень крутым уровнем очередной ну, о-очень крутой «игрушки». Две наши классные красавицы, Романова и Макагонова, сосредоточенно поправляли макияж, полностью отключившись от окружающего. Интересно, кто из них «на свете всех милее, всех румяней и белее»? Куча сумок, брошенная у двери, символизировала будущее присутствие их владельцев на уроке, хотя сейчас эти самые владельцы явно зависали в столовой и мною интересоваться никак не могли. Только Тарасик смотрел прямо на меня, но с таким отсутствующим видом, что заподозрить его в розыгрыше было невозможно.

Звонок завершал так, что я аж подпрыгнула. Топоча, как молодые кони, в класс ворвались опоздавшие, кое-кто на ходу ещё дожёвывал пирожок. Сумки мигом порасхватили, торопясь занять места за компами. На меня – ноль внимания, только Наташка, пробегая мимо, шепнула: «Ты чего такая красная?» Я ладошкой тронула щеку – точно, горит огнём, а я и не заметила. Хороша же я, наверное, – как помидор! И что теперь делать?

Тут в класс вошла Светлана Петровна, народ вытянулся по стойке «смирно» и слаженно гаркнул: «Здрась... Свет... Пет...!» Она поморщилась в ответ и махнула ручкой: «Садитесь, одиннадцатый «бэ»! И здравствуйте, конечно! Ну-с, что вы там наваяли дома?» И всё понеслось по накатанной колее. Уютно светились экраны, еле слышно гудели вентиляторы, Светлана обходила всех поочередно, вглядываясь

в развёрнутые на дисплеях диаграммы и время от времени ехидно их комментируя. А я всё никак не могла опомниться. Засунутая в карман записка была сродни пистолету: забыть невозможно, достать страшно, а руки сами тянутся. К счастью, меня Светлана проскочила быстро, глянула на экран, кивнула «Хорошо!» и перешла к Наташке, за которой ещё маячили Романова и Котляренко, так что десять минут на раздумья у меня точно были. Вот только думать-то совершенно не получалось. В голове слегка звенело, я тарасилась на дисплей, но не понимала, что вижу. В глазах всё ещё стояли совершенно невозможные и всё же кем-то написанные слова:

ЛЮСЯ! ЛЮСЕНЬКА... Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!

Кто? Кто это написал?!

В нашем классе пятнадцать девчонок и восемь парней, которые – по понятным причинам – не обделены женским вниманием. Есть несколько устойчивых парочек, которые смотрят друг на друга затуманенными глазами, ходят, держась за руки, и буквально едят из одной миски. Эти не в счёт. Остальные мальчишки изображают блуждающих форвардов, сегодня хихикая с одной, завтра улыбаясь другой, послезавтра строя глазки третьей. В результате бушуют такие страсти, бурлят такие водовороты, что Мексика отдыхает. Мне со стороны то забавно, то противно наблюдать, как девчонки выворачиваются наизнанку, чтоб привлечь внимание того же красавчика Пашки – высокого чернобрового блондина с насмешливыми серыми глазами – или Рода Котляренко (подпольная кличка «Урод»), габаритами и интеллектом лично мне напоминающего бегемота. Мне-то, слава Богу, всё это пока параллельно... То есть было параллельно до сегодняшнего дня! Ведь кто-то же написал: «ЛЮСЯ! ЛЮСЕНЬКА...»

КТО?!

Честно говоря, я плохо помню, как досидела до конца урока. Записка уже буквально жгла ногу через плотную джинсу. На автомате выключив комп, я сгребла свои вещи в рюкзак и одной из первых выскочила из класса, не став ждать Наташку, хотя домой мы обычно шли вместе. Но сегодня был не тот случай. Торопливо пройдя по коридору через весь этаж, я свернула на дальнюю лестницу, сбежала вниз до её конца и оказалась в небольшом полуподвальчике у запасного выхода. Здесь неярко горела маломощная лампочка, стояли какие-то коробки и ведра, а все, кто стремился в раздевалку, проскакивали к ней по лестнице пролётом выше. Опять заверещал звонок. Я подождала, пока топот над головой стих, и достала записку.

Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!

Строчки никуда не делись. Буквы были немного неровные, видно, писавший нечасто использовал печатный шрифт. Ручка обычная,

шариковая, синий стержень. Жаль, была бы гелевая, было бы проще вычислить автора, – гелевые у нас не в ходу. Я прислонилась к стене, голова закружилась.

Меня! Кто-то! Любит! Я вдруг обнаружила, что губы сами расплываются в дурацкой улыбке. Нет, ну надо же! Вот так живёшь и ничего о себе не знаешь! И что с этим делать? Рассказать Наташке, – может, что посоветует? Или самой попробовать вычислить автора? Ну, хорошо, допустим, вычислю, – и что потом? А если это Котляренко?! Эта неожиданная мысль привела меня в чувство. Беспричинная радость слегка поджала хвост и озабоченно захлопала глазами. А, может, ну его, этого автора? Ну, любит – пусть любит, я-то не люблю... неизвестно кого! Жила же без особых забот, – ну, и буду жить по-прежнему! Но где-то в глубине души я твёрдо знала: жить по-прежнему больше не получится.

...Двое парней, лениво болтавших ногами на подоконнике третьего этажа, соскочили на пол и приникли к стеклу. Тонкая фигурка в чёрном, взмахнув рыжеватой гривой волос, сбежала по ступенькам крыльца. В школьном дворе было пусто. Золотистые листья, медленно кружась, падали на выщербленный асфальт. Девочка оглянулась, достала из кармана листок бумаги, что-то прочитала – было видно, как шевелятся губы, сунула обратно в карман и лёгкой стремительной походкой пошла к автобусной остановке.

– Ну, всё, рыбка клонула! – с усмешкой сказал один из парней. – Видал, как она её перечитывает? Процесс пошёл!

– Может, зря мы это, а?.. Она вообще ничего, нормальная девка. Реветь будет, – нехотя сказал второй. – Может, плюнем?

– Не ссы, гуманист! Поплачет – перестанет. Зато приобретёт жизненный опыт. Потом ещё мне спасибо скажет! Пошли ко мне, я тебе та-акую штуку покажу, – подхватив сумку с подоконника, первый двинулся к лестнице. Второй постоял ещё секунду, глядя в окно, – и пошёл следом.

2.

Божественный запах жарящихся тефтелек чуть не сбил меня с ног, когда я открыла дверь. На кухне шипело, шкворчало и стреляло.

– Кто та-ама? – пропел мамин голос, что означало, что она в хорошем настроении и приветствует посетителей.

– Это я, почтальон Печкин! – сообщила я и отправилась в свою комнату переодеться. После многолетних битв и военных компаний маме всё же удалось приучить меня переодеваться в домашнее, приходя с улицы. Вернее, я поняла, что легче нырнуть в любимую футболку и штаны, чем из раза в раз доказывать родительнице, что мне всё равно,

школьная на мне одежда или нет. В некоторых вопросах родители бывают упрямы, как ослы. Я, впрочем, тоже.

Вымыв (из тех же соображений) руки, я вошла в кухню, плюхнулась на табурет у двери и тут же стащила ещё дымящуюся тефтелю из противня, где они ожидали запекания в духовке. Мама переворачивала очередную партию на сковороде и на мои действия не среагировала.

– Уф! – Она повернулась ко мне, круглолицая, румяная, волосы стянуты яркой косынкой, пальцы в муке – обваливала тефтельки. – Привет, Крошка Лю!

– Привет, мама Кенга! – отозвалась я привычно.

В детстве я была без ума от Винни-Пуха и его друзей. Родители столько раз читали мне эту книгу вслух, что к школе я могла цитировать её страницами. Но особенно милым мне казался Крошка Ру, может, потому что был маленьким и слабым, а может, потому что не любил рыбий жир, который я тоже терпеть не могла. В общем, я требовала, чтобы меня называли Крошка Лю, и, забравшись к маме на колени, заворачивала на себя полы её халатика и воображала, что сижу в кармане Мамы Кенги. Я выросла, прозвище осталось, и это единственный вариант моего имени, который меня не раздражает.

– А салат будет? – спросила я и потянулась за второй тефтелей, тут же схлопотав от мамы шлепок по руке.

– Будет, будет... И кофа тебе будет, – мама ещё одним шлепком пресекла новый набег на тефтельки, – и какава... Люська, перестань! Недожаренные нельзя, сто раз говорила!

Она осторожно переложила в противень дымящиеся мясные шарики со сковороды, закрыла его листом серебристой фольги и, обмяв фольгу по краям, ловко поставила в духовку. Стол сразу осиротел, а вот духовка оживилась и тихонечко загудела.

– Давай работай! – подбодрила я её, и мама обернулась ко мне от раковины, где гремела посудой.

– Что?

– Мам, тебе в школе признавались в любви? – брякнула я с разгона. В принципе, я ничем не рисковала. Как говорит бабушка, в нашей семье у всех мысли идут противоположным зигзагом, и в любой момент можно услышать от родителей высказывание типа «кто знает, сколько зубов у крокодила?» или «что-то я забыл, в каком году приняли Великую Хартию вольностей?», или «чему там равно ускорение свободного падения?» Подразумевается, что ответить должна я. Зато и мне дозволяется спрашивать о чём угодно, и родители стараются ответить точно и доходчиво, а главное – честно, даже если вопрос, мягко говоря, «скользкий». Дед ворчит, что меня «расповедили», что «тормозов у ребёнка нет» и что «хлебнёт она горя со своим языком»,

но я не обращаю внимания. Дед всегда ворчит, чтоб я не догадалась, как он меня любит, а я это давно поняла и помалкиваю.

– Хм... Хороший вопрос! – мама прикрутила краны, чтоб не так шумела вода, и движение намыленной губки в её руках стало замедленно-плавным.

– Ты знаешь, да! Я почти забыла... Как-то классе в восьмом, зимой, вечером нам позвонили. А телефон стоял в прихожей, из моей комнаты до него было ближе всего, так что трубку обычно брала я. И вот я взяла трубку, говорю «алло!», а мне в ответ мальчишеский голос: «Я тебя люблю! Приходи к школе через полчаса!»

Мама с мечтательным выражением лица сунула тарелку под струю воды.

– Ну?!

– Что ну? – Она поставила чистую тарелку на сушилку и взяла следующую.

– И что дальше-то?!

– Ну, и я, конечно, не пошла. Поздно было, темно, а главное, побоялась я, что это розыгрыш, что приду, а из-за угла компания выскочит и будет надо мной смеяться. Самолюбивая была очень, страшно боялась в глупое положение попасть. Так и не знаю, кто мне тогда звонил...

Мамин голос стал напряжённым, она повернулась ко мне спиной и сильнее загремела посудой в раковине.

Я сидела, ошарашенная. Ничего себе! Второй виток спирали, что ли? Мушкетёры двадцать лет спустя? История повторяется?

– И тебе не хотелось узнать, кто это? – вопросы прямо подпрыгивали у меня на губах.

– Хотелось, конечно. – Мама в последний раз вытерла пустую раковину тряпкой, промокнула руки полотенцем и присела к столу на табуретку. – Конечно, хотелось! – повторила она медленно и серьёзно посмотрела на меня.

– Понимаешь, Лю, бывают поступки, которые могут изменить судьбу, и человек не всегда понимает, что именно сейчас он принимает такое решение. Сама подумай: если бы я тогда не испугалась возможного розыгрыша, поверила мальчишке, пошла на это свидание, – вдруг бы я нашла свою «вторую половинку»? И влюбилась бы по уши? И всё было бы совсем по-другому: может, и в город другой бы уехала, и замуж за другого вышла бы, и было бы у меня сейчас пятеро детей?..

– А разве папа не твоя «вторая половинка»? – по-дурацки спросила я.

Мама покачала головой.

– Не в этом дело. Папа – это уже другая, взрослая любовь и совершенно иная история, потом как-нибудь тебе расскажу. А вот перед тем мальчишкой я долго чувствовала себя виноватой, сама не знаю,

почему. Может, потому, что просто отвергла его, не разобравшись, не оставила выбора ни себе, ни ему. Нельзя принимать решения сгоряча или наобум или, вот как я тогда, – вслепую. Много можно сломать, о чём потом пожалеешь.

Мама повернулась к плите и всплеснула руками.

– Караул! А тефтели-то!

Пока она спасала заветный противень, я потихоньку улизнала к себе. В мыслях был полный сумбур. Получается, надо всё же вычислить автора записки? Чтоб не маяться потом, как мама, – видно же, что она расстроилась от неожиданного воспоминания. Вот только пока я в полном ауте, вообще не понимаю, с чего начать.

...Весь вечер мальчишка бродил около телефона. Вариант с сотовым он сразу откинул: плёвое дело определить, кто звонил. «ВКонтакте» светиться не хотелось, да и не факт, что она поверит сообщению. Оставался допотопный домашний телефон, а голос можно и изменить. Номер он списал из классного журнала ещё в прошлом году, – так, на всякий случай. Пару раз он даже поднимал трубку, но на звук далёкого гудка сразу пересыхало во рту, и заготовленные слова улетучивались из головы. Измучившись вконец, он написал на бумаге крупными печатными буквами: «НЕ ВЕРЬ ЗАПИСКЕ, ЭТО ЛОВУШКА», сунул её в карман школьного рюкзака и, надев наушники, очертя голову, кинулся в грохочущий виртуальный мир «Кризиса-2».

3.

Пашка Синельников привязался ко мне на большой перемене, когда я, умяв большое яблоко в качестве перекуса, уютно устроилась за своей партой с книжкой. Строго говоря, это, конечно, не парта, а стол, но почему-то так сложилось, что и учителя, и мы сами по-прежнему называем наши «посадочные места» партами. Мне нравится: звучит немного старорежимно, зато очень по-школьному. Но стоило мне только перевернуть пару страниц, как на соседний стул приземлился Пахан (ник у него такой), да ещё и с разговором, – на моей памяти, первым за всё то время, что я здесь учусь. Ясно было, что «это «в-жж-ж» неспроста», так что я слегка подобралась, хотя выражение лица сохранила каменное.

Начал он банально до невозможности.

– Привет, Синицына! Что читаем?

Я молча повернула к нему титульный лист.

– Роман Злотников. «Царь Фёдор: ещё один шанс». История, что ли?

– Ага, – мрачно подтвердила я. – Любовная.

– Ух ты, – восхитился Пашка. – А я думал, ты и слов-то таких не знаешь!

– Знаю, знаю, – огорчила я его. – Я ещё много других слов знаю, например: отстань, отвянь и не пошёл бы ты!

Синельников слегка разозлился, – слышно было по голосу, – но почему-то сдержался.

– Да ладно, – вполне миролюбиво продолжил он. – Я вообще-то по делу.

Это было что-то новенькое, так что я даже оторвалась от книги и подняла на него глаза.

Пашка внимательно смотрел на меня и, похоже, немного нервничал. Серые глаза в густых тёмных ресницах на загорелом лице казались слишком светлыми, странно-светлыми под тёмными бровями, и это было... красиво.

Поймав себя на такой мысли, я рассердилась и излишне резко спросила:

– Чего уставился?

– А у тебя глаза зелёные... надо же! Никогда раньше не видел, – тихо и как-то замедленно ответил он, и я растерялась.

Пашка в нашей параллели слышит главным «мачо» и обычно ведёт себя совершенно по-другому: осыпает очередную «цель» пошленькими комплиментами, отбирает у неё школьную сумку и потом прыгает перед ней, как павиан, – «не понимаешь – не отдам!», локтями всех распахивая, плюхается рядом с ней в столовой, ерошит ей волосы, приобнимает за плечи на глазах у всех, ну, и всё такое, – а дурища прямо тает от счастья и глядит на него влюблёнными глазами. Недели две-три «сладкая парочка» бывает неразлучна, но потом Пашка внезапно остывает и начинает смотреть на вчерашнюю подружку, как на стенку. Если девчонка пытается за ним бегать и качать права, Синельников не стесняется открыто послать её далеко и лесом. Если делает вид, что всё нормально, – на таких он просто не обращает внимания. Но кое-кто (Ленка Ермакова, например) до сих пор продолжает безнадежно издали следить за ним глазами побитой собаки и на что-то ещё надеяться. Я лично видела не меньше четырёх таких историй и никаких тёплых чувств к Пашке не питаю. Но сегодня он был прямо на себя не похож, и я вдруг подумала: «А что, если записка от него?!»

– Дело говори, – буркнула я, чувствуя, как начинают пылать кончики ушей.

Пашка тряхнул головой, будто отгоняя что-то, и привычно сощурился.

– Вот ты, Синицына, у нас всё знаешь, – начал он придурочным голосом, – вот объясни ты мне, дубине необразованной, почему в японских анимэшках все герои ходят с разноцветными волосами?

Я покосилась на него с подозрением. Ну да, я прибиваюсь по анимэшкам и особой тайны из этого не делаю, но и не кричу об этом

на каждом углу. Откуда Синельников знает? И какая ему, на фиг, разница, почему у героев разноцветные волосы? Вопрос на уровне девчонки-третьеклашки, впервые увидевшей анимэ. И что за подвох может скрываться за этим вопросом?

Пашка терпеливо ждал, что опять же было для него не характерно. Я решила перестраховаться.

– Понимаешь, Павел, – начала я задушевым голосом, – есть в Интернете такая поисковая система, Гугл называется. Закидываешь в неё запрос, и она тебе всё объясняет. Доходчиво так, простым языком, чтобы мозг не перегрелся, если, конечно, есть чему перегреваться... Вот и погугли, если интересно! – рявкнула я неожиданно, так что Пашка даже отшатнулся. – А я не справочник!

Я демонстративно уткнулась в книжку, украдкой из-под ресниц наблюдая за его реакцией.

Вопреки ожиданиям, Синельников опять повёл себя нетипично: не растерялся, не обозлился, даже душой меня не назвал. Просто, как говорит дед, «увял с лица», помолчал и ответил так, что я чуть не упала:

– Жаль... А я хотел с тобой новое анимэ посмотреть... А то я не всё понимаю... Синичка.

И ушёл к своей парте на «камчатке». Тут зазвенел звонок, в класс вломилась толпа наших из столовой, загрохотали по столам учебники, – и всё стало поздно.

– Похоже, вы всё-таки дура, Людмила Алексеевна! – сказала я себе. – А вдруг это и вправду ОН?

...В дальнем углу класса, для вида усиленно обмахивая ресницы кисточкой для туши, за этим разговором внимательно следила симпатичная пухленькая брюнетка. Слов она не слышала, но лица видела отлично. За началом диалога она наблюдала с ехидной улыбочкой, но ближе к концу внезапно заволновалась. Когда парень, сначала отшатнувшись, затем сказал рыжеволосой девчонке несколько слов и с наигранной беспечностью ушёл, она поджала губки и проводила его глазами. Потом опять вернулась к рыжеволосой. Окинув её недобрый взглядом, брюнетка швырнула в раскрытую косметичку тушь и зеркальце, достала блеснувший стразами мобильник и принялась отбивать что-то на клавиатуре сверкающими красным лаком ноготками.

4.

Я, конечно, не Пушкин, но тоже люблю осень. Даже холодную, дождливую, с пронизывающим ветром, свирепым, как серый волк. Пусть на улице промозгло и уныло, зато какая красота сидеть дома под тёплым пледом, тихонько слушать музыку в наушниках и с

удовольствием поглядывать на оконное стекло, которое кто-то снаружи как будто щедро поливает из душа! А уж золотая осень, как сейчас, – это вообще «именины сердца»! Я могу часами бродить по улицам и переулкам, усыпанным разноцветными листьями, бездумно сидеть на скамейке в парке, глядя на беготню малышей и слушая басистое воркование голубей, тоже довольных тёплой погодой, и мне волей-неволей вспоминается всё тот же Пушкин: «Уж небо осенью дышало...», «Роняет лес багряный свой убор...», «Мне грустно и легко, печаль моя светла...» Впрочем, последнее уже не из той оперы, хотя всё равно в тему, потому что загадочный автор записки по-прежнему не выходит у меня из головы.

Прошло уже два дня, а он больше никак себя не проявил. Конечно, если это не Пашка, попытку которого пообщаться я так сурово обломил. Сто раз уже об этом пожалела, но ведь не пойдёшь же извиняться!

Ясно, что если подходить к делу логически, то нужно провести анализ возможных кандидатур и откинуть лишние варианты. Тот, кто останется, и будет автором записки. Элементарно, Ватсон! Другой вопрос, что я не слишком хорошо знаю свой класс, поскольку учусь в нём меньше года.

Мы переехали в Остров перед самым Новым годом. Ну, то есть тогда-то он был новым, а сейчас он текущий. Раньше мы жили в Сибири, в райцентре под Красноярском, но у мамы вдруг началась аллергия на холод, да такая, что она просто задыхалась, глотнув холодного воздуха. Летом ей стало лучше, но следующей зимой она чуть не умерла от бронхоспазма, и врачи сказали, что единственный выход – менять климат. Мама места себе не находила, считая себя виноватой, но папа поставил вопрос ребром: хочет ли она умереть, чтоб мы без неё тоже умерли? Услышав «нет», сказал, чтоб она не маялась дурью, притащил старый атлас автомобильных дорог, и мы начали искать «землю обетованную». Сложность была в том, что мама наотрез отказалась перебираться совсем на юг, где зима мягкая и дождливая. «Зима без снега, – мама жалобно смотрела на нас, – да я просто умру там от тоски!» Нам тоже было сложно представить зиму без лёгкого морозца, весело щиплющего нос и щёки, без синей лыжни в сосновом бору, без пухлых, как подушки, сугробов под окнами, так что мы решили перебраться куда-то на южный Урал, где зима потеплее и покороче. «Остров», – прочитал на карте папа и поднял на нас глаза. «Класс! – завопила я. – Будем островитянами!» И мама кивнула головой.

Сборы и всяческая переписка заняли всю весну, лето и большую часть осени.

Провожать нас явился весь мой класс, и я, как не крепилась, постыдно разревелась прямо на перроне. Правда, в поезде быстро успокоилась, так как впереди ждал неведомый *Остров*.

На самом деле всё оказалось гораздо проще и совсем не так, как мечталось. Город назывался вовсе не **Остров**, а **Острѡв**. Вроде бы во времена Демидовых здесь ковали сабли для уральских казаков, и, видно, острые были сабельки, раз прозвание осталось. Семейных финансов хватило на среднюю «двушку» в старом доме со стенами в четыре кирпича и подоконниками такой ширины, что на них можно было лежать, что я немедленно и опробовала. Мама пошла работать корректором в местную типографию (вообще-то она «литератор», в смысле, закончила литфак, но посреди учебного года мест в школах не было), а папа устроился в частное охранное предприятие, – уж не знаю, кого или чего они там охраняют. Я после зимних каникул отправилась в ближайшую школу, оказавшуюся гимназией № 2, где меня «посадили» в десятый «бэ» класс. И вот тут уж я села, так села!

Во-первых, я не выношу быть в центре внимания. А здесь на меня тарасился целый класс, да ещё на каждом новом уроке кто-нибудь обязательно докладывал учителю: «А у нас новенькая!», – и приходилось знакомиться ещё и с учителем и отвечать, как попугай, на дурацкие вопросы типа «И откуда же ты приехала? А почему?» или «Что у тебя было по математике – литературе – химии – биологии – английскому – обществознанию?» (нужное подчеркнуть). О настоящей причине переезда я особо не распространялась, просто сообщала, что родители нашли здесь работу. С оценками было хуже. Когда я в шестой раз сказала: «Пять», – в классе началось нехорошее перешептывание. Общее мнение выразила Наташка, с круглыми глазами спросившая меня на перемене: «Ты что, ботаничка?» «Кто?!» – теперь уже я вытаращила глаза. «Ну, ботаничка, ботан, зубрилка, отличница!» – весь класс столпился около нас, с интересом прислушиваясь. «А-а! – с облегчением сказала я, наконец-то въехав в смысл вопроса. – Нет, у меня четвёрки по русскому и по географии». Как я теперь понимаю, только это меня и спасло. Наши бандерлоги почему-то считают, что заниматься на одни пятерки могут только зубрилы и учительские подпевалы, а «на-армальный пацан» или «ку-ульная чувиха» так ломаться не будут, им это «фиолетово». Домашнее задание для них – «фуфло», поднять руку, чтоб ответить на вопрос учителя, – всё равно, что устроить стриптиз на Красной площади, а вот часами зависать в «ВКонтакте» – это глубоко интеллектуальное занятие и вообще признак культурного человека. Короче, всю третью четверть я пребывали в глубокой депрессии, чувствуя себя Максимом Каммерером на планете Саракш. Если бы не Наташка, за парту с которой меня посадили, впору было бы удавиться.

Наташка оказалась весёлой, добродушной и компанейской, – короче, няшной девчонкой, без закидонов и растопыривания пальцев. Занималась она неплохо, но без фанатизма, потому что давно решила,

что после школы пойдёт учиться на парикмахера и станет лучшей сначала в городе, а потом в стране. В качестве тренировки она делала причёски каждому, кто на это соглашался, а так как к десятому классу через её руки прошли практически все, то я для неё оказалась находкой и подарком. В первый же мой школьный день она уговорила меня остаться после уроков и «поработать над имиджем», что вылилось в кучу мелких косичек по всей голове, замысловато переплетённых и схваченных разноцветными резиночками. Мама ахнула, увидев меня, и сказала, что я напоминаю ей дикобраза, собравшегося на бал в африканское посольство. Разбирала я это художество битый час, поскольку идти в таком виде в школу согласился бы только маньяк, но Наташка совсем не обиделась, а радостно заявила, что у неё возникла новая идея стильной стрижки, которая мне точно пойдёт... ну, и всё такое.

В общем, мы подружились, стали вместе ходить из школы-в школу, обмениваться дисками и записями, делать друг другу макияжики, а также обсуждать школьные дела и одноклассников.

Вот Наташка-то меня и просветила насчёт группировок внутри класса, способов самозащиты, границ нейтральных территорий и прочих жизненно важных вещей. С её помощью, порой довольно активной («Вали отсюда! Я кому сказала, отстань от Люськи! Не даст она тебе списать домашку, а я в глаз точно дам!»), к концу учебного года я заняла в классе нишу девицы умной, но не от мира сего, а иногда и прибабахнутой, так что ко мне обращались в основном за помощью на контрольных да иногда в спорных вопросах по истории или литературе. Свой прежний класс я вспоминала с ностальгической грустью, как давно прошедшее детство, – наивное, лопоухое и доверчивое. С нынешними одноклассниками приходилось держать ухо востро, постоянно быть готовой к подвоху и не забывать, что в борьбе за существование выживает сильнейший. «Се ля ви», – как говорят французы.

После летних каникул меня встретили уже как свою. Наташка, уезжавшая на лето к родне, с визгом кинулась на шею, мальчишки заинтересовано окинули взглядом, и даже подружки-соперницы Романова и Макагонова удостоили снисходительным «Привет!» Сентябрь стоял солнечный и тёплый, учителя после лета как будто подобрели, и всё было бы замечательно, если б не эта записка! Попробовать собрать образцы почерка у мальчишек, что ли? Или всё-таки посоветоваться с Наташкой? Она-то всех чуть не с детского сада знает...

...Телефон тихо звякнул: пришла эсмэска. «Люська клеится к Пахе. Надо поговорить. Жди у раздевалки после уроков».

5.

На литературе, пока ГЛ пыталась добиться от Котляренко определения метафоры, я шепнула Наташке: «Есть разговор! Секретный». У той сразу загорелись глаза: «О чём?!» Я мотнула головой: «Потом, после уроков. Пойдём, посидим в «Галактике», ладно?» Наташка часто-часто закивала и только открыла рот, чтоб ещё что-то спросить, как раздался голос бдительной Галины Леонидовны: «А вот сейчас нам Мартынова и приведёт пример метафоры, она уже его придумала!» «Румяной зарёю покрылся восток», – быстро шепнула я.

«Румяной зарёю...» – проямлила несчастная Наташка, приподнимаясь из-за парты. «А Синицына добавит!» – тут же объявила безжалостная ГЛ. «Ледяной взгляд, смертельная скука, стойкий оловянный солдатик!» – оттарабанила я с места, преданно глядя на классную. Та хмыкнула, покачала головой и вновь повернулась к Котляренко: «Понял, горе моё? Садись, ещё раз спрошу на зачёте! А сегодня мы займёмся повторением эпитетов и олицетворений...» Как утверждает ГЛ, именно на терминологии и «режутся» на экзамене по литературе, поэтому половину сентября мы, откровенно тоскуя, занимались повторением и зазубриванием признаков и отличий всевозможных литературоведческих терминов, – как будто найдётся идиот, чтоб выбрать литературу на ЕГЭ! Даже я на это не способна.

Остаток урока мы просидели тихо, как мышки, лишь бы не привлечь ещё раз внимание ГЛ. Вообще-то она неплохая тётка, главное – с юмором, но язык у неё, как бритва, и она может тебя так припечатать, что потом над тобой неделю будет ржать весь класс, а то и параллель, так что после нескольких «показательных порок» охоту нарываться отшибло даже у самых «крутых». В обычное время, то есть, когда всё идёт более-менее нормально, ГЛ не особо к нам пристаёт, лишь бы учились без двоек да на дежурства приходили вовремя, но где-то раз в четверть на наш класс сваливается МЕРОПРИЯТИЕ, и тут её просто сносит с катушек.

Актив класса немедленно усаживается за «мозговой штурм», где после всеобщего ора отфильтровываются более-менее разумные идеи, реализация которых в диктаторской манере возлагается на подходящих – по мнению ГЛ – исполнителей. Оставшиеся счастливицы служат рабочими лошадками, массовой, «принеси-подай-не трожь!» и «мальчиками для битья». ГЛ бегаёт взвинченная, требует, чтоб всё было сделано «ещё вчера», свирепствует на уроках и, видимо, питается только валидолом. Когда МЕРОПРИЯТИЕ, наконец, удаётся свалить с плеч (что удивительно, всегда успешно!), наша классная расслабляется и вновь становится милой и улыбчивой дамой среднего около пенсионного возраста, которую мы, в общем, любим. В этом

году нам «светит» «Осенний бал» в конце октября, и ГЛ уже начала нервно подрагивать щекой.

Вчера я весь вечер просидела в Сети, искала зацепку для проведения почерковедческого анализа. К сожалению, оказалось, что для анализа годится только так называемая «скоропись», когда буквы плавно соединяются в слова и предложения, да и то нужны, по меньшей мере, несколько строчек, а лучше страница текста. Информации по печатным буквам набралось с гулькин нос, но и та ничего не прояснила.

Вот как прикажете понимать фразу: «Использование печатных букв вместо письменных означает движение к новым взглядам»? Или «Использование в почерке печатных заглавных букв характеризует человека как творческого, изобретательного, имеющего гибкий ум и восприимчивость». Приятно, конечно, что тебе пишут записки «та-а-кие люди», но вопроса это не снимает.

И я решила рассказать всё Наташке. Вдвоём будет легче что-нибудь придумать. В «Галактике», небольшом кафе возле парка, среди дня нам никто не помешает и ничего не подслушает.

Общественное – последний урок – неожиданно отменили, что-то там случилось с учителем, но на радостях никто особо не вникал: не часто нам так везёт. Уже через минуту в школе из наших не осталось никого. Пробившись сквозь толпу галдящих малолеток у раздевалки, мы с Наташкой тоже получили свои куртки и выскочили на улицу. И тут же нам в глаза плеснуло стайей солнечных зайчиков: это мальчишки, притаившись за кустом сирени, устроили «световую атаку». «Ах, вы так! – завопила Наташка и, размахивая курткой, кинулась к ним. – Ну, всё, вам не жить!»

Я бежала следом, хохоча и щурясь, и тоже что-то вопила. Рюкзак прыгал за спиной, я сдёрнула его и метнула, как нунчаки, не особо целясь, в спины убежавших. И, как всегда в таких случаях, попала!

– Ох, ничего себе! – сказала одна спина сдавленным голосом, и убежавший повернулся. Я встала на месте, как вкопанная. Это был Пашка.

Наташка впереди с визгом наскокивала на Котляренко, а тот хохотал басом и пытался поймать её за руки. Я беспомощно огляделась по сторонам.

Рядом никого не было. Мы уже выбежали на аллею, ведущую к школе, в этот неурочный час она была пуста. Пашка, исподлобья поглядывая на меня, молча отряхивал куртку.

– Извини, я не хотела, – неловко сказала я. – Сильно больно?

– У тебя там что, кирпичи? – спросил он в ответ.

– Ну-у, почти. Учебники называются. – Я подобрала рюкзак с земли, стряхнула прилипшие листья и взвесила в руке. Тянуло килограммов на пять плюс ускорение... Мне стало по-настоящему жалко Пашку.

– Давай, потру! – предложила я искренне. – Мне мама в детстве всегда ушибленное место тёрла, и, правда, легче становилось!

Пашка стоял, с непонятым выражением глядя на меня. Я опять растерялась, не зная, как выйти из дурацкой ситуации. То ли он ещё злится, то ли обиделся?

– Аригато, Синицына-тян! Выживу, – сказал он наконец. – Не могу сказать «Люся», получается чёрте что. Ты в курсе, что в японском нет звука «л»? И как тебя тогда называть?

– Можно Мидори, – неожиданно выдала я свою страшную тайну. – Это героиня одного анимэ, ты видел? Могу дать посмотреть, если хочешь.

Мы как-то незаметно пошли рядом, не особо торопясь и искося поглядывая друг на друга. Пашка, когда не придурился и не строил из себя супермена, оказался «няшным куном», как говорят у нас в Сообществе. Он рассказал, что запал на анимэ после подаренного на день рождения «гаремника». Сначала вообще въехать не мог в отношения героев, потом стало интересно, а во всех ли японских школах так, – ну, и пошло-поехало. О Сообществе он знает, переписку на форуме читает, но сам пока помалкивает, – «не хочу идиотом выглядеть», коротко пояснил он.

Я задумчиво кивнула: всё знакомо. Я тоже больше всего боюсь показаться дурой или неумехой и поэтому предпочитаю сидеть в своей раковине и не высовываться, – ну, разве что поболтать с Наташкой или родителями, которые и так меня знают, как облупленную.

В итоге в «Галактику» мы завалили вчетвером. Взяли колу, соки в картонных коробочках, «охотничью» пиццу, наполовину состоявшую из помидор, а напоследок – мороженое. Котляренко при близком знакомстве оказался не совсем дураком. Во всяком случае, армейские анекдоты он травил на редкость артистично. Наташка от смеха едва со стула не свалилась, а когда мы с Пашкой начали её спасать, то стукнулись лбами, и тут уже под стол упали все трое. Род сидел за столом с невозмутимой мордой и басом говорил: «Ну, как дети прямо! Мне за вас стыдно!» Разогнал нас по домам только звонок моего мобильника.

– Люсь, ты где? Марш домой немедленно! – ясно, как будто из-за соседнего столика, раздался голос мамы. Народ примолк. – У меня суп на плите, а меня на работу срочно вызвали, спецвыпуск вычитать.

– Сейчас приду, – не вдаваясь в подробности, сказала я и встала. Комментарии были излишни. Пока парни выбирались из-за стола, Наташка подскочила ко мне и зашептала в ухо: «А разговор?!»

– Давай завтра, – предложила я, поднимая и впрямь словно кирпичами набитый рюкзак. Я внезапно устала, как после контрольной, и настроение упало ниже плинтуса.

– Может, тебя проводить? – неожиданно предложил Пашка, и Котляренко бросил на него быстрый взгляд.

– Мне близко, – отрицательно мотнула я головой. – Всем пока. И это... спасибо за компанию, – закончила я неловко.

– Взаимно, – прогудел Род. – Служба эскорта. Обращайтесь.

...Бутылка опять пошла по кругу. Кто-то подкинул пару веток в костёр, – не для тепла, потому что сентябрьский вечер был ещё полетнему тёплым, а просто так, инстинктивно. Пламя весело затрещало, как будто засмеялось, – и компания пьяно заулыбалась в ответ. Парнишка сидел здесь уже пару часов и давно перестал отслеживать, кто уходит, кто приходит. Главное, вокруг были люди, а не стены. Даже лучше, чем просто люди – пацаны, такие же, как он или чуть постарше. И разговоры были реально мужские: про машины, футбол, компьютерные «игрушки», теперь вот – про девчонок. Он с удивлением услышал собственный голос. Голова «плыла».

– Теоретически любую девчонку можно раскрутить на секс, если умеючи к ней подойти. Кого-то надо лишь немного пообжимать – и всё, она сама к тебе п-придет, т-тёпленькая. Кому-то требуется ухаживание по п-полной программе: за ручку подержаться, цветы-букетики, с-стихи под луной, – с такими сложнее, н-но опять же нич-чего невозможного. А кто-то ведётся на умные разговоры, на душевную тонкость, – а итог тот же самый, т-точно вам говорю! Наук-кой ус-становлено: не бывает фригидных баб, – бывают неумелые мужики! – с пьяной удалью провозгласил он и снова глотнул из бутылки.

– А это ты, что ли, умелец? – лениво произнёс один из собравшихся. – Теоретик, блин!

– А спорим! – Парень запетушился. – А спорим, я любую девчонку за месяц уговорю!

– И целку?

– И целку!

– Да у них в классе и целок-то уже, поди, не осталось! – заржали остальные. – Там уж и бодаться-то не из-за кого!

– А новенькая? Эт-та... Синицына! Какая она после лета вернулась! Ну, спорим?!

– Спорим!

– Замётано!

6.

С Наташкой долго объясняться не пришлось. Я молча сунула ей уже изрядно потрёпанную записку, лаконично добавив: «Нашла три дня назад в тетрадке».

Она впиалась в записку глазами, охнула, перевернула, поднесла к носу, понюхала и, по-моему, даже собиралась её лизнуть, но передумала, заметив мой насмешливый взгляд. Вместо этого на меня обрушилась лавина слов.

– Люська, это от кого?! Не знаешь? Класс!!! В какой тетрадке? А почему сразу не сказала?! – тут она слегка надулась, но быстро сменила гнев на милость. – И что, больше ничего? И не подходил к тебе? Вот дурак! А ты сама на кого думаешь?

И прочее в том же духе.

Когда Наташка слегка успокоилась, я объяснила ей, что приняла записку за розыгрыш и не стала гнать волну, чтоб не лохануться. Распечатки из Интернета об определении характера по почерку Наташка быстро просмотрела и откинула в сторону.

– Нет, это ерунда, так не определишь, – задумчиво сказала она. – Кто же это может быть? Ну-ка, расскажи ещё раз, как ты её нашла!

Я добросовестно описала пресловутую перемену. Ясности это не добавило. Обычно, если кабинет закрыт, все мы кидаем сумки на пол у двери и отходим посидеть и поболтать на подоконниках, так что теоретически кто угодно мог выцепить мой рюкзак из общей кучи, сунуть записку в тетрадь, которую я вкладываю в учебник, щёлкнуть замками и вернуть, «как було». Никто бы не обратил внимания, и я – первая. Но почему тогда он больше никак себя не проявляет? Или это всё-таки Пашка? Или Котляренко? Или Тарасик?!

Я, задрав ноги на подлокотник, валялась на диване и грызла яблоко, Наташка вертелась в моем компьютерном кресле: вж-жик – в одну сторону, вж-жик – в другую. Яблоки она не любила и грызла сушку.

– Давай рассуждать логически, – вещала она. – Может это быть Вовка Сердюк? Правильно, не может! Потому что кроме Анютки никого в упор не видит. По тем же причинам отпадают Грищенко и Сергеев, – уже больные, лечению не подлежат. Значит, остаются Синельников, Котляренко, Тарасик, Сашка Лихачев и Антон Весёлкин. Они все были в тот день, ты не помнишь? Ладно, это можно выяснить по журналу. Если все были, тогда надо искать самого подозрительного!

Я подумала и рассказала ей про Пашку с его дурацким вопросом.

– Вот зуб даю – это он! – Наташка даже в кресле подскочила от возбуждения. – Чего он к тебе пристал с этими анимэ? И чего это они нас вчера в кустах ждали?!

– А вдруг Котляренко? – возразила я для очистки совести, хотя мне тоже казалось, что записку написал Пашка, – ну, вернее, мне *хотелось*, чтоб это был он.

– Мне-то лапшу на уши не вешай, – фыркнула Наташка. – Котляренко! Да он в жизни до этого не додумается, а тебя он, по-моему, вообще боится!

– Меня?! – я удивлённо воззрилась на неё с дивана. – С чего это?

– Ты умная сильно, – без обиняков пояснила Наташка. – А он простой парень, и интересы у него простые: футбол, киношка хорошая, музыка забойная, стрелялки. Он с тобой и заговорить о чём не знает. Боится опозориться.

Я сидела, озадаченная.

– И что, многие так меня боятся?

– Да почти все... кроме меня, конечно! – Наташкины глаза сузились в щёлочки, как будто она начинала злиться. – Ты, прямо как во сне, живёшь! То ты сидишь, в книжку уткнувшись, то лекцию вместо простого ответа выдаёшь, то улыбаешься презрительно, – кому охота связываться, чтоб ты его дураком выставила? Вот и записку без подписи подкинули! Может, человек по тебе давно сохнет, а подойти не решается!

– А как же тогда Синельников? – спросила я, улучив минуту, когда Наташка глотнула воздуха.

– А что – Синельников?! Он, может, опять ваньку валяет, супермена из себя строит, мать в отъезде, гуляй – не хочу, а всех остальных девчонок он уже перебрал!

– И тебя? – спросила я небрежно, изо всех сил пялясь на стенку. Наташка умолкла.

Я осторожно покосилась на неё. Наташка в комочек собралась на стуле, уткнув лицо в колени. Я замерла, уже ругая себя за длинный язык. Прошло минуты две или пять, – не знаю, но они тянулись, как час.

Наташка подняла голову и потянулась на стуле, развернувшись, как кошка после сна. Глаза у неё были сухие и блестящие.

– И меня, – спокойно сказала она. – Только это ещё до твоего приезда было, в девятом классе. Он меня тогда целоваться научил. По-взрослому.

– И всё? – я залилась краской, но удержаться не могла.

– А что ещё? Я с ним не спала, если ты об этом, – будничным тоном пояснила Наташка. – Да и никто не спал, по-моему, девки больше треплются, чтоб другим завидно было. А, может, он сам такие слухи распускает и потом развлекается, когда девчонки из-за него друг другу волосы рвут, как Макагонова с Ермаковой.

– С Ленкой?! – поразилась я. – Она же тихая, не видно и не слышно.

– Так не она и начала. Пашка возле Ленки на физкультуре покрутился, на канат помог вскарабкаться, на шведской стенке рядом потёрся, – а Макагонова прямо в раздевалке Ленке в волосы вцепилась и давай трясти, и ревёт, и орёт невесть что, – еле растащили. Ленка потом две недели с поцарапанной физией ходила, а Макагонову к директору вызывали, только она молчала, как партизан. Пару ей за поведение вlepили, и на этом всё кончилось. А Паха с того дня ни на одну из них не смотрит, вот и весь результат!

– Офигеть! – других слов у меня просто не нашлось.

– Ага! – согласилась Наташка. – Так что ты имей в виду: если это Синельников, то он тебе просто голову дурит, а потом ручкой помашет и привет! Да ты сама видела!

– А если не Синельников?

– Тогда не знаю, – задумалась Наташка. – Остальные-то парни у нас вроде нормальные. Родька, помнишь, в кафе?.. «От меня и до другого дуба», – ой, не могу, ха-ха-ха! – залилась она таким неудержимым хохотом, что я тоже засмеялась.

Прохохотавшись и вернувшись «к нашим баранам», мы решили, что надо ждать развития событий, если оно, конечно, будет, это развитие. А если это была просто подначка, то я проявила себя очень достойно, на провокацию не поддавалась и оставила неизвестного любителя розыгрышей с носом. Так ему и надо! На этой жизнеутверждающей ноте мы почувствовали настоятельную потребность подкрепить наши молодые растущие организмы, совершили набег на кухню и, изрядно опустошив холодильник, уселись за уроки. На завтра нам был обещан тест по литературе и контрольная по физике, – и вот где после этого гуманное отношение к детям?!

– ...Мало тебе одного раза? – недовольным тоном спросила крепко сбитая крашенная блондинка, сосредоточенно пристраивая на голову модную кепку. Повернувшись вправо-влево перед зеркалом и критически фыркнув на своё отражение, она, наконец, взглянула на подругу. – Или охота, чтоб вообще из школы выперли? Тогда ты своего Паху только в бинокль видеть будешь, по большим праздникам... если повезёт. До тебя не доходит, что ли: кобель твой Пашка! Две недели поматросит и бросит, за новой юбкой побежит. Тебе с ним на необитаемый остров нужно попасть, чтоб он только на тебя смотрел.

– Не хочешь, не ходи, – угрюмо ответила та. – Сама справлюсь.

Отвернувшись, она упёрлась головой в стенку и закрыла глаза.

– Он мой, мой! Он мой! – голос у неё задрожал.

– Ты ревьешь, что ли, Наташка? – блондинка обернулась. – Вот дура! Да он мизинца твоего не стоит! Не реви, а то краска потечёт! – Она неловко обняла подругу и потащила её к выходу, стараясь загородить от чужих глаз.

– Плюнь, не реви! Попортим Люське морду, он на неё и не взглянет, весь тебе достанется, ешь его с маслом! Не реви, говорю!

7.

Перед последним уроком Котляренко притащил стопку сданных сегодня утром дневников и бухнул её на учительский стол.

– Бандерлоги! – провозгласил он. – Слушайте меня, бандерлоги! Хорошо ли вам слышно?

Народ зашумел и стал подтягиваться к столу.

Род прижал дневники внушительным кулаком и заявил:

– С каждого дневниковладельца – рупь! В пользу голодающих... меня, а то все силы подорвал, таская ваши двойки!

Народ зашумел сильнее, указывая Котляренко самые нетрадиционные маршруты его дальнейшего передвижения.

– Родик, – томно сказала Романова, – у меня нет рубля, можно, я тебя взамен поцелую?

– Десять раз! – согласился Род и картинно раскрыл ей объятия.

Воспользовавшись моментом, наши кинулись к столу, и парочку просто смело волной народного ликования. Впрочем, ликование быстро пошло на спад, так как ГЛ, верная себе, выставила в дневники поголовно все «неуды», снабдив часть из них обращением к родителям. Судя по задумчивым лицам одноклассников, добрая половина из них занялась придумыванием «отмазки» для предков. Я подождала, пока ажиотаж схлынет, и подошла к столу без особых опасений, поскольку в последние дни меня просто не спрашивали.

Вторая записка лежала в дневнике, который я получила после проверки. На этот раз буквы шли горизонтально:

НЕ ВЕРЬ ЗАПИСКЕ! ЭТО ЛОВУШКА!

Меня опять как будто по голове мешком стукнули. Захлопнув дневник и изо всех сил стараясь казаться невозмутимой, я пошла к своей парте. Как нарочно, сегодня Наташка с третьего урока отпросилась у ГЛ в зубной кабинет, и мне не с кем было даже поделиться. Нет, ну что же это такое?! Какая ловушка?! Зачем предупреждать о ловушке, если ты сам писал первую записку? А если не писал, то откуда о ней знаешь? И какая может быть ловушка в записке?!

Географию я просидела, как на иголках, прокручивая в голове все возможные объяснения, и так ни к чему и не пришла. Мне страшно хотелось сравнить первую записку со второй, но условий не было никаких. Звонок прозвучал для меня сигналом спасения. Я первой выскочила из класса и помчалась в своё убежище под лестницей. Трясущимися руками достав из потайного кармана рюкзака первую записку, я приложила её ко второй.

На первый взгляд сходство было полным: те же прямые, чуть дрожащие линии, те же восклицательные знаки. Я стала сравнивать записки по буквам. Случайно или нарочно, но одноименных букв в обеих записках оказалось всего шесть, и вот тут-то и стало заметно различие. Поперечные палочки у «Н» и «А» во второй записке были явно ниже, чем в первой. Значит, её писал кто-то другой! Но зачем? И откуда он знает про первую? И знает ли автор первой записки про вторую?

Убрав записки в рюкзак, я побрела вверх по ступенькам. Я настолько задумалась, перебирая в уме варианты, что вообще не смотрела по сторонам, и только толчок в плечо заставил меня поднять голову.

– Смотри, куда прѣшься! – процедила сквозь зубы плотная девчонка с полужнакомым лицом, вроде бы она была из параллельного «А» класса. – Это ты Синицына?

– Я, а что? – удивилась я вопросу.

– Разговор к тебе есть, пошли отойдѐм.

Не дожидаясь моего ответа, она развернулась и двинулась за угол раздевалки. Там, в полутѐмной небольшой рекреации, в которую выходили двери вечно закрытых школьных мастерских, обычно было пусто. Я машинально пошла за ней, не понимая, зачем я ей понадобилась.

– Эй, погоди! А в чѐм дело-то?

Девчонка скрылась за углом, и я прибавила хода.

Едва я завернула за угол, как споткнулась о подставленную ногу и чуть не полетела кубарем. Пытаясь сохранить равновесие, я согнулась и выставила вперед руки. За них тут же кто-то рванул, так что меня развернуло и больно приложило об стенку. Кто-то невидимый, но очень сильный сзади давил мне на шею, заставляя опустить голову и упереться лбом в штукатурку. Я попробовала дѐрнуться, но меня держали за вывернутые назад руки, было очень больно, и я перестала вырываться.

– Вы что, сдурели? За что?! – я пыталась разозлиться, но сама слышала, как жалко звучит мой голос. От неожиданности и боли я испугалась до тошноты. Коленки дрожали и подгибались.

– За то! – Кто-то подошел со спины и негромким, но злым голосом говорил мне прямо в ухо.

– Ещё раз подойдѐшь к Синельникову – синяками не отделаешься. Руки-ноги переломаем или кислоты в лицо плеснѐм, на всю жизнь уродиной станешь.

– Поняла, дрянь? – На шею надавили сильнее, так что я пробороzdила стенку лбом. – Поняла?!

– Поняла... – Губы почему-то не разлеплялись, и голос сипел. – Вы ещё... его... на цепь... посадите... чтоб... не убежал!

Давить на шею мне перестали, зато вцепились в волосы и дѐрнули так, что голова мотнулась назад, а я взвыла. Ещё один удар снова приложил меня об стенку, теперь уже правой скулой, с которой, судя по ощущениям, снесло кожу напрочь. Я рванулась, но за руки меня держали по-прежнему, не давая повернуться. За спиной творилось что-то непонятное. Похоже, там тоже кого-то удерживали, слышались возня и придушенные крики типа «убью... тварь, пусти... дрянь!»

И тут, как гром среди ясного неба, среди этого ужаса прозвучал звонкий детский голос:

– А это вы зачем её держите?

– Уходим! – услышала я и вдруг оказалась свободной. Я попыталась быстро обернуться, чтоб увидеть хоть спины убежавших, но меня шатнуло в сторону, ноги подкосились, и я сползла по стенке на пол. Слёзы брызнули из глаз сами собой.

Когда я прорыдалась и открыла глаза, передо мной стоял тощенький мальчишка лет восьми и задумчиво разглядывал мою физиономию.

– Ты кто? – спросила я первое, что пришло в голову.

– Я Паша Антипов, – солидно представился он. – Я из продлёнки первого «Б».

– И *ты* Паша?! – меня пробил истерический смех. Мальчишка ничего не понял, но тоже засмеялся. Когда мы успокоились, он с любопытством спросил:

– А тебя за что били?

– Не за что, а по чему, – буркнула я, кое-как поднялась (всё болело) и протянула ему руку:

– Спасибо тебе, Паш, ты меня очень выручил.

Малёк с серьёзным видом пожал мне ладонь и ответил:

– Не за что. В беде надо людям помогать.

Потом помялся и сказал:

– Ну, я пойду, ладно? А то мне ещё в туалет.

– Иди, иди, – согласилась я и полезла за зеркалом. Лучше бы я этого не делала...

– ..Галь, ну что ты с ума сходишь? Ну, проведёте вы этот «Осенний бал», в первый раз, что ли? – Седоусый мужчина у плиты напоминал домашний вариант Санта-Клауса: яркие голубые глаза в смешливых щёлочках глаз, солидный животик, упрятанный под цветастый фартук, а вместо посоха в руке – блестящий половник, которым он что-то помешивал в кастрюльке. – Сядь на место, что ты по кухне мечешься!

Худоцавая моложавая дама в стильных домашних брючках и тунике дёрнула плечом, но команды послушалась, пристроившись на табуретку у холодильника.

– Ты не понимаешь, это же особенный бал! Последнее наше мероприятие в школе! По нему нас запомнят! И я хочу, чтоб запомнили надолго. Надо придумать что-то особенное, яркое, чтоб каждого захватило!

– Дискотека инопланетян? Шоу бродячего зоопарка? Пижамная вечеринка в сумасшедшем доме? – Бросая идеи, мужчина сменил половник на нож и начал бойко крошить морковь.

– Да ну тебя! – Дама запустила пальцы в тёмные пряди волос и потянула их вверх. Волосы послушно встали дыбом, придав ей сходство с расстроенным ёжиком.

– «Осенний бал»... Пушкин... Почему меня вечно тянет на Пушкина? – бормотала она. – Первый бал Наташи Ростовской... Или салон? Литературный салон... как у Зинаиды Волконской! Салон литературных героев... разных эпох, в костюмах... ну, стихи, музыка, это ясно...

– А потом – дискотека! – добавил Санта-Клаус. – Без дискотеки, Галь, никак нельзя, народ тебя не поймёт! – Он бросил в кастрюлю лавровый листик и шумно потянул носом.

– Да, наверное, так! – Дама бодро вскочила с табуретки. – Будем делать салон! Это классика, добавим современных авторов, пару шлягеров, бальный танец – может получится.

– А, может, вам попробовать, ну, в рамках классного часа? – осторожно предложил мужчина. – Что пойдёт, что не пойдёт, – чтоб не сразу на школу делать.

– Может, и попробовать! – согласилась дама. Обняв Санта-Клауса за объемистую талию, она чмокнула его в щёку. – Ты у меня золото. Но если меня сию секунду не накормят, то я тебя съем!

8.

Конечно, мне не повезло: мама оказалась дома и вышла в прихожую меня встретить.

– Ма-атерь божья! – ахнула она, увидев моё лицо. – Это где же ты так? Это кто же?!

Губы у меня снова запрыгали сами собой.

– Не реви! – скомандовала мама. – Давай раздевайся и пошли к свету, я посмотрю.

Подтащив меня к окошку в кухне, она внимательно изучила мои синяки и ссадины, легонько потрогала ободранную скулу (я зашипела, но вытерпела) и выдала заключение:

– Жить будешь. Выглядит страшноватенько, но вроде ничего не сломано. Тебя не тошнит, нет? Голова не кружится? Тогда сейчас обработаем, к утру подсохнет, на синяках монетки поддержишь. Через неделю будешь опять, как огурчик. Чем будем обрабатывать: зелёной или перекисью? Перекисью больше, а зелёной живописнее.

Я слушала мамин деловитый голос и постепенно приходила в себя. Кошмарные воспоминания отодвигались и подёргивались дымкой нереальности в залитой тёплым светом кухне, в окружении привычных вещей, рядом с мамой, которая никому не даст меня в обиду.

– Люсь, ты спишь, что ли? Ты меня слышишь? – мамино встревоженное лицо вдруг очутилось у меня перед глазами. – Так зелёнка или перекись?

– Перекись, конечно! Ещё я зелёная не ходила! – ответила я, заранее скривившись. Все мои порезы, разбитые колени, ободранные пальцы, как правило, обрабатывались перекисью водорода, так что

ощущения мне были хорошо знакомы. Стоически вытерпев санобработку в мамином исполнении, я хотела уже улизнуть к себе, но мама твёрдой рукой перенаправила меня на табуретку у стола.

– Посиди-ка минутку. Во-первых, выпей вот это. – Она достала из холодильника пузырёк, плеснула воды в чашку и отмерила двадцать капель. Запахло валерьянкой, ментолом и ещё чем-то больничным. По запаху я опознала мамины капли «от сердца» и безропотно выпила.

– Во-вторых, ты, может, расскажешь, что всё-таки случилось? – Она неожиданно тяжело опустилась на другую табуретку и, накапав себе тех же капель в опустевшую чашку, выпила тоже.

– Поскользнулся. Упал. Очнулся – гипс, – пробурчала я, стараясь на неё не смотреть.

– Пока ещё нет, но следующий раз может закончиться и гипсом, – тихо сказала мама. – Люсь, я не прошу выдавать мне ваши страшные тайны, предавать кого-то и так далее, но ты же должна понимать, что если дело дошло до мордобоя, то это уже не шутки. Такое нельзя спускать, иначе эти подонки могут войти во вкус, почувствовать свою безнаказанность. Бить девчонку, Боже мой! Да в моё время самому отпетому хулигану это даже в голову не пришло бы!

– Оно и в наше не пришло, – ответила я, не поднимая головы. – Меня девчонки били. И держали тоже девчонки. И я не знаю, кто, потому что так держали, чтобы не увидела. И голоса я не узнала. И вот как ты их будешь искать?! – Я подняла лицо и взглянула на маму.

У неё в глазах стояли слёзы, а губы дрожали не хуже моих. Я бросилась к ней, мы обнялись и дружно заревели.

По-видимому, совместный рёв успокаивает женщин лучше, чем лекарства. Во всяком случае, минут через пять меня перестало трясти мелкой внутренней дрожью, и я начала хоть что-то соображать.

Маму тоже отпустило, поскольку, в последний раз шмыгнув распухшим носом, она сразу накидала план дальнейших действий.

– В школу ты дня три не пойдёшь, я потом напишу, что у тебя поднялась температура, и я оставила тебя дома. Нечего тебе светиться с подранной физиономией на радость всякой швали. Потом, если синяки ещё не сойдут, подмажешься моим тональным кремом. Когда папа вернётся с дежурства, обрисуешь ему ситуацию, и пусть объяснит тебе, как надо было действовать, чтоб больше так не попадаться, и пару приёмов пусть покажет, лишними не будут. С Галиной Леонидовной я сама поговорю. Поговорю! – прикрикнула она на меня, увидев, как я вскинулась. – Она ваш классный руководитель, она обязана об этом знать! Случись что серьёзное, с неё первой спросят, а ваш подростковый кодекс чести на подонков по определению не распространяется. Может, ты и убийцу покрывать будешь, если он из «своих» окажется?!

– Я же всё равно никого не узнала!

– Тем более не о чем беспокоиться! – отрезала мама. – Садись поешь и дуй к себе, а то моя нервная система от споров с тобой разрушается со страшной силой. Спи, ешь, читай, смотри анимэшки. На три дня у тебя каникулы.

Оставшуюся часть дня я просидела в своей комнате. Точнее, не просидела, а в основном провалялась на диване, разглядывая стены и потолок. Слез уже не было, даже и обиды особой не осталось, а было только огромное недоумение: как так можно?! Это же нелепо, глупо, в конце концов! Ну, ладно, допустим, побили они меня в кровь, допустим, запугали, – мне что, на Пашку теперь вообще не смотреть, не разговаривать, отворачиваться и уходить, если он ко мне подойдет?! Или сказать ему открытым текстом: «Ой, Пашечка, мне тут пообещали руки-ноги из-за тебя переломать, я с тобой говорить не буду, боюсь!» Они вообще, как себе это представляли? И какой смысл бить меня, если, судя по всему, сам Пашка кого-то из них игнорирует? Он после этого любовью запылает, что ли? Вот же дуры! Клинические. Мечта психиатра.

Я ещё раз со вздохом оглядела себя в зеркало. Левый глаз заплыл под замечательным фингалом, на лбу серия царапин, на правой скуле приличная ссадина. Мама права, в таком виде в школу лучше не ходить. Привяжутся с расспросами, как да почему, – не отвяжешься. Ну, и вообще...

Во мне стала разгораться «спортивная» злость. Вот из принципа, как вернусь в школу, первая к Синельникову подойду. Я ему анимэшку обещала? Вот и принесу! Будут мне ещё указывать, с кем ходить, с кем нет! Рабов себе заведите, им указывайте, а я – свободный человек, и лезть в свою жизнь не позволю!

Накручивая себя, я металась по комнате, как вдруг зазвонил телефон.

Мама взяла трубку, послушала, крикнула «Люсь, тебя!» и ушла смотреть свой турецкий сериал по телевизору.

– Алё! – хмуро сказала я. – Слушаю.

– Привет, Люсь! – бодро зататорила трубка Наташкиным голосом. – А мне зуб выдрали, представляешь? И совсем не больно, только укол больно, а потом ни чуточки. А доктор мне сказал: «Откройте рот, сейчас вылетит птичка!» Мне так смешно стало, а смеяться не могу, щёку вообще не чувствую, тут он дёрг! – и зуб мне показывает! Он молодой такой, чернявый, я ещё подумала: «И зачем он пошел в дантисты?» Алё, ты слушаешь?

– Ага! – Мой голос неожиданно захрипел. – Только я тут заболела, температура и вообще... горло, завтра не приду. Скажешь ГЛ?

– Конечно, – заверила меня Наташка и снова начала трещать про своего дантиста, чем-то потрясшего её воображение. Я слушала в пол-уха,

пытаясь решить для себя, рассказывать ли Наташке про сегодняшнее происшествие. Пока, наверное, нет, а то проболтается. Вот когда приду в класс, тогда всё ей расскажу и покажу вторую записку. Ой! Я про неё почти забыла со всеми этими событиями. А, может, «ЛОВУШКА» – как раз это самое? Тогда я вообще ничего не понимаю. Голова внезапно заболела, как будто в ней щёлкнули выключателем.

– Наташ, давай всё завтра, а? – попросила я. – Что-то мне совсем фигово.

– Ладно-ладно! – заторопилась Наташка. – Ты там давай лечись! Бай-бай!

Я вернулась к родному дивану, обняла подушку и закрыла глаза. И сама не заметила, как уснула.

... В кухне гремела посуда и слышались весёлые голоса, мужской и женский.

Парень замер в прихожей, не зная, то ли исчезнуть, пока не заметили, то ли всё же зайти поздороваться. Мать он не видел неделю и успел соскучиться.

Его колебания прервали быстрые шаги: в прихожую, пританцовывая, вошла миловидная женщина.

– Павлик! Солнышко! – Тёплые руки обняли его за шею, тёплые губы осыпали лицо мелкими поцелуями. – Как я соскучилась! Ты в порядке? Не болел? Денег хватило? Да что мы тут стоим, пойдём скорее!

Мать взяла его за руку и, как маленького, завела в комнату. Там у стола стоял молодой, моложе матери, мужчина слегка потёртого вида. «Метр восемьдесят, довольно крепкий, руки загрубевшие, морда... смазливая, – быстро прикинул парнишка. – Опять!»

– Знакомьтесь, мальчики! – С немного неуверенной улыбкой мать по очереди взглянула на обоих.

– Это мой сын, Павлик, – она ещё раз притянула его к себе и взлохматила ему волосы, чего он терпеть не мог. – Моя надежда и опора!

– А это... дядя... да нет, какой он тебе дядя! Это просто Митя, мой хороший друг! У нас с ним всё серьёзно, правда, Мить? – Мать перебежала к «хорошему другу» и прижалась уже к нему.

– Ясное дело! – согласился тот, по-хозяйски приобняв её за плечи. – Серьёзнее не бывает. Дом без мужика сирота, правда, Паш? Чего молчишь? Или не нравлюсь?

Мальчишка опустил глаза, про себя досчитал до десяти и снова взглянул на «просто Митю».

– Да нет, приятно познакомиться. Вы у нас жить будете?

– Там видно будет, – неожиданно отказался Митя. – У меня и своя квартира имеется. Ну, если у нас всё сладится, тогда перееду, а нет – так разбежимся.

– Я тебе разбежусь! – не то в шутку, не то всерьёз мать шлёпнула его по плечу ладошкой. Митя начал ловить её за руки, она, смеясь, отбивалась.

Мальчишка постоял ещё секунду, глядя на них, и молча пошёл в свою комнату.

Закрыл за собой дверь, бросил на пол рюкзак и подошёл к столу. Выдвинув ящик, он порылся в наполнявших его бумагах и достал фотографию. На фото темноволосый светлоглазый мужчина и очень похожий на него пацанёнок лет пяти держали за лапки мартышку в юбочке и гофрированном воротнике. Оба улыбались во весь рот и по виду были совершенно счастливы.

9.

Оказывается, сидеть дома безвылазно – удовольствие никакое. Сначала я, конечно, с утра понежилась в постели, уютно закутавшись в одеяло и лениво переползая мыслями с одного на другое. Как ни странно, вчерашнее ЧП мне не снилось и не вспоминалось. Я думала о новых анимэ, которые хвалили на нашем форуме, о последнем письме от деда («Ох, надо бы к нему съездить на каникулах!»), о том, чего бы такого вкусенького зажевать на завтрак... Дома было тихо. Родители ушли на работу, домашних животных мы пока не завели, соседей из-за толстых стен отродясь слышно не было. Где-то далеко за окном взрыкивала машина, – забуксовала, что ли? – потом и она замолкла. Когда от тишины стало звенеть в ушах, я решительно спрыгнула с дивана и раздёрнула шторы.

День, как нарочно, был солнечным и ярким. Сейчас бы в парк или в лес, побродить, побегать, покричать, покидаться охапками листьев в... Пашку.

Я отчётливо поняла, что мне хочется делать всё это не одной, а вместе с ним. Или чтоб он сидел рядом, а я на него смотрела. Просто смотрела – и всё. Потому что он красивый. И умный. И вообще...

Я невидяще уставилась в зеркало в ванной.

Идиотка. Влюбилась. Такая же дура, как все. Ещё одна «девочка-на-две-недели». А потом?

В зеркале неожиданно отразилась моя физиономия: тёмные полосы подсохших царапин, начинающий зеленеть синяк под глазом, лохматые после сна волосы, припухшие губы вареником. Кому я такая нужна? Да он обо мне через день забудет! Вот и успокойся! Вот и ладненько! Переживёшь.

Я на полную мощность открыла холодную воду и стала плескать её в лицо. Скоро ладошки заледенели, щёки загорелись огнём, а зубы заныли. Б-р-р-р! Средство оказалось радикальным, и ненужные мысли сами улетучились из головы. Вытираться пришлось осторожно, ссадины всё ещё болели. Я щедро намазала их каким-то чудо-кремом,

выданным вчера мамой, и пошла скорее на кухню, чувствуя, что умираю от голода.

Потом я посидела за компом, почитала «программного» Горького, потыкала кнопки на пульте телевизора. По «ящику» шли утренние шоу из серии «что купить-где купить, что носить-куда носить» и прочих околокультурный бред.

Вот кто, интересно, смотрит все эти «Предсказания Нострадамуса», «Битвы экстрасенсов» и «Дом-2»? Откуда у них такие рейтинги, что они упорно держатся в сетке программ? Или родители правы, и всё нацелено на оболванивание народа? Поскольку ответа у меня не было, я выключила телик и начала нарезать круги по квартире. День едва перевалил за два часа.

У наших сейчас идёт последний урок, вроде бы история. Кто-то наверняка мается у доски с датами: меня нет, и подсказать некому. Наташка сосредоточенно рисует в тетрадке очередной вариант очередной стрижки. Род периодически клюёт носом и, вздрогнув, таращит глаза, чтоб его не засекли. Романова любит своим маникюром, а Макагонова – своей ножкой, выставленной в проход между партами. Пашка... – я, как наяву, представила его насмешливую улыбку и прядь волос на лбу.

Почему одни люди нравятся, а другие нет? Ведь тот же Олег Тарасик вполне ничего себе, и умный, и руку вовремя подаст, и дверь придержит, и не трепло, как Пашка, а вспомнить о нём нечего, весь он правильный и скучный, словно шар. А Пашка... Я поискала сравнение. Он не шар, не куб, не пирамида, он... вообще не геометрическая фигура. Он... как огонёк, яркий, ласковый, а потянешься поближе – может укусить за пальцы, а то и сжечь. Я вспомнила Ленку Ермакову и поёжилась. Что же тогда, я – бабочка, летящая на пламя? Далее следовал вполне логичный вывод, что я – насекомое, и мозгов у меня, по-видимому, столько же...

Но тут раздался звонок в дверь.

Я открыла, не спрашивая, убеждённая, что это мама, – и обалдела. На пороге стояла Наташка. Наверное, при взгляде на меня она обалдела тоже, поэтому первую минуту мы молча таращились друг на друга, как на привидение. Потом она шагнула в прихожую и захлопнула дверь.

– Значит, ангина? – риторически спросила она, беззастенчиво пялясь на мои садины. – Горло у нас болит? Язык отсох, совесть атрофировалась? Или это бандитская пуля?! Ты уж скажи, поделись боевым опытом!

Между делом Наташка разулась, сняла куртку и прямым ходом отправилась в мою комнату. Я поплелась за ней.

– Ты что, вправду язык проглотила? – Наташка плюхнулась в компьютерное кресло и требовательно воззрилась на меня. – Давай рассказывай!

И я рассказала. Про вторую записку, про встречу в раздевалке, про то, как меня били. Наташка сидела притихшая и только время от времени ойкала.

– Сильно болит? – спросила она, когда я замолчала.

– Да нет, средне, выглядит страшнее, – честно ответила я. – Скорее, обидно.

– Ну, ничего себе дела! – Наташка соскочила с кресла и забегала по комнате. – Голливуд отдыхает! Я что-то о таком ещё не слышала в нашей школе.

Она остановилась и внимательно посмотрела на меня.

– Что делать будешь?

Я пожала плечами.

– Ничего. Отсижусь и приду в школу. Я же всё равно не знаю, кто это был. Да если бы и знала... Морду в ответ, что ли, бить? Или в суд подать? А доказательства?

– Ну да, малёк на доказательства не потянет... – задумчиво сказала Наташка. – Но ведь ту девчонку, что тебя окликнула, ты узнаешь?

– И что? Она отопрётся, и опять ничего не докажешь. Да ладно, расскажи лучше, что там сегодня было!

– Ой, ты не поверишь! – Наташка оживилась. – У ГЛ очередная гениальная идея. На той неделе на классном часе у нас будет типа репетиция к «Осеннему балу» – салон литературных героев. Все должны выбрать себе героя из книг, подготовить узнаваемый костюм и номер.

– Какой номер? – не поняла я.

– Ой, ну что-нибудь: песню, танец, стих, пантомиму, даже карточные фокусы можно или мудрые изречения, – в общем, на что фантазии хватит. ГЛ будет играть хозяйку салона, а мы гости. Котляренко согласился быть мажордомом, будет всех объявлять.

– Бред! – искренне сказала я. – Я не пойду.

– Не пойти нельзя, под угрозой расстрела. ГЛ на полном серьёзе пообещала, что всем не явившимся выставит по пять «неудов» по литературе и всякие другие репрессии тоже. Народ сначала разорался, а потом примолкли, задумались. Прикинь, Романова заявила, что будет Красной Шапочкой! Или Джульеттой!

– Можно ещё Бабой-Ягой, – съехидничала я. – Тоже литературный персонаж.

– Нет, Бабой-Ягой я сама хочу, – заявила Наташка. – Я уже прикинула, как возрастной грим сделать, да и с костюмом не заморачиваться! А ты кем будешь?

– Человеком-невидимкой, – брякнула я, чтоб она отвязалась. Потом подумала и кивнула сама себе: точно, Человеком-невидимкой. Повязки на лице и руках, громадные чёрные очки, – для моей поцарапанной физиономии как нарочно придумано! Чёрный костюм, мужская шляпа – у папы возьму, – белые бинты – страшноватенько получится! Пи-кант-нень-ко.

Наташка недоверчиво покосилась на меня, выразительно покрутила пальцем у виска, но спорить не стала. Подхватив со стола обе записки, она потащила их к окну, чтобы сличить.

– Дело ясное, что дело тёмное, – сообщила она через пару минут. – Ничего не понимаю. Может, всё-таки розыгрыш? Если первую записку писал один, а вторую – другой, то, получается, об этом знают, как минимум, двое. О какой тогда любви речь?!

– *Тебе* же я рассказала, – напомнила я ей. – Может, ОН тоже решил с другом посоветоваться?

– Ага, а тот решил тебя предупредить, чтоб ты не верила! Хороший друг, главное, – верный! Нет, Люська, точно розыгрыш! Наплой и забудь!

Наташка небрежно бросила листки на подоконник и повернулась ко мне.

– А насчёт этой девчонки, ну, посылной, я, кажется, поняла... – медленно сказала она. – Такая невысокая, плотная, стрижка «лесенкой», волосы с оттеночным мелированием?

– Вроде да, – неуверенно ответила я, слабо представляя себе, чем «оттеночное» мелирование отличается от обычного.

– Это Дашка Круглова, из «ашек». Наташки Макагоновой подружница, – добавила она, заметив, что я не въезжаю.

– Нет! – ахнула я.

– Да! Точно она! Больше некому.

Всё сразу встало на свои места: и побои, и угрозы. У Макагоновой совсем снесло крышу от ревности, если она пошла на такое. На минуту мне стало её жалко: что с ней будет, если узнают? Нет, ещё хуже: что с ней будет, если узнает Пашка?!

– Откуда она узнала о записке? – услышала я свой собственный голос.

– Ниоткуда, – отрезала Наташка. – Ей и без записки хватило. Да и с чего ты решила, что записка от Пашки? Розыгрыш это, зуб даю!

– Ну... да, – согласилась я, пытаюсь собраться с мыслями. Такие шекспировские страсти не укладывались в голове. – Ну, и что мне теперь делать, Нат?

– Снять штаны и бегать, – буркнула Наташка, а когда я вытаращила на неё глаза, пояснила:

– Ничего не делать. Как жила, так и живи. Только одна нигде не ходи, меня зови. К двум не привяжутся, побоятся.

– А с Пашкой как?

– О, чёрт! Дался он тебе! Тоже никак, сама не подходи, и всё!

Звучало разумно. Если надо, он ко мне первый подойдёт, а бегать за ним я всё равно не собиралась. А если не подойдёт, то тем более говорить не о чем. Значит, зря мне «морду лица» начистили, поторопились. Я невесело усмехнулась: бедному Ванюшке везде камушки! А, ладно, пошло всё на фиг! Надо перечитать «Человека-невидимку», толку будет больше!

Я решительно повернулась к Наташке.

– А не забрать ли нам яишенку с помидорами, Ната-тян?

– А забрать! – легко согласилась она, и мы пошли на кухню.

– ...Во-первых, надо было правильно заворачивать за угол, не так... – мужчина подошёл к дверному проёму, шагнул в него, повернулся и скрылся в коридоре, – а вот так!

Он вернулся в комнату, вновь пошёл к двери, но за пару шагов до неё развернулся боком и вошёл в дверной проём лицом к направлению поворота.

– Видишь, подходишь к углу не по прямой линии, а по дуге, и разворачиваешься лицом к повороту. Тогда ты, прежде чем завернуть за угол, сможешь увидеть, что там. Понятно?

Девочка, внимательно наблюдавшая за его перемещениями, утвердительно кивнула.

– Второй момент. Если ты всё же расслабилась и засаду не отследила, вот тебе уже дали подножку и ты летишь... – повинувшись жесту мужчины, девочка подставила ему ногу, он изобразил, что споткнулся и начал падать руками вперёд, но не стал пытаться удержаться на ногах, а перекатился через голову и мгновенно встал в явно боевую стойку. – Проще всего уйти в кувырок, нападающий этого не ждёт, ты сбиваешь ему захват, а у тебя появляется время встать на ноги и оценить обстановку.

– Я так не смогу, – покачала головой девочка. – И вообще всё было неожиданно, я даже сообразить ничего не успела.

– Ну, ясно, такой навык требует тренировки, это я тебе уже профессиональный приём показываю, – согласился мужчина.

– Тогда самое простое, но обычно тоже хорошо помогающее. Заламывай мне руки за спину!

Девочка подошла к мужчине со спины и неловко завернула ему руки за спину.

Он внезапно всем телом осел вниз. Девочка, не ожидавшая этого, слабо вскрикнула, и пальцы у неё разжались. Мужчина тут же вскочил на ноги.

– Поняла? Если тебя уже схватили, не трепыхайся попусту, падай под ноги, нападавший либо сам тебя отпустит от неожиданности, либо

ты его свалишь с ног, и он рефлекторно разожмёт руки. Давай, ещё раз заломим мне руки!

Девочка действовала уже увереннее и, заломив его руки за спину, вцепилась в них изо всех сил, даже пальцы побелели. Но мужчина не стал вырываться, а, слегка согнувшись, неожиданным резким движением пнул её пяткой чуть выше щиколотки.

– Ой-ёй! – взвывла девчонка, выпустила руки и, присев, начала растирать пострадавшую ногу.

– Тоже хороший способ, – невозмутимо прокомментировал мужчина. – Это я ещё легко пнул и босиком. А в тяжёлом ботинке, да с силой, да умеючи, в этом месте можно и ногу сломать. Но лучше всего, конечно, не попадать в ситуации, когда эти навыки могут понадобиться. И не ходить никуда с малознакомыми людьми! Или хотя бы смотреть, куда идёшь, как я тебе показал.

– Ага, а ещё лучше превентивно всех поубивать и ходить спокойно! – проворчала девочка, поднимаясь с пола. – Это же в школе было! Кто знал-то!

– Ладно, не бурчи, – миролюбиво предложил ей отец. – Давай всё снова. Работаем!

10.

На моё появление в школе никто особо не отреагировал. За три дня плюс выходные царапины полностью зажили и корочки с них отшелушились, ссадина на скуле хорошо подсохла, уменьшилась в размерах и приобрела вид «случайной». Опухоль под глазом тоже сошла, а её сине-зелёный цвет перешёл в бледно-жёлтый, который я полвоскресенья тренировалась замазывать маминым кремом-пудрой. В общем, если специально не вглядываться, то ничего не заметишь. Так, во всяком случае, утверждала Наташка, которая оценивала мои успехи в маскировке.

Больше всего я боялась встречи с Пашкой. Макагонова меня тоже, конечно, волновала, но не так. А вот Пашка... Я страшно боялась, что как только он меня увидит, так сразу всё поймет: и то, что я в него влюбилась, и то, что думала о нём почти постоянно все эти дни, и то, как мне его не хватало... И самое страшное: что он всё это поймёт – и улыбнётся. Такой спокойной, уверенной, *хозяйской* улыбкой. И тогда – конец. Потому что этой улыбке я ему простить не смогу.

Но всё оказалось гораздо проще, чем я себе представляла: в понедельник Синельников вообще не пришёл на занятия. Первые два урока я только что не подпрыгивала при звуке открывающейся двери, и лишь на химии на вопрос учителя Род сообщил, что Пашка уехал с матерью на какое-то разбирательство в суде и сегодня его не будет. Я пришла в себя и, наконец, смогла нормально осмотреться в классе.

Как ни странно, Макагонова держалась тише воды, ниже травы. На меня не смотрела и даже с девчонками не болтала, а на всех переменах уходила из класса и возвращалась со звонком. Остальные же оживлённо обсуждали приближающийся «салон графини Разумовской», – такое официальное наименование получила бредовая идея ГЛ. Мнения, как всегда, разделились: часть народа, в основном девчонки, говорила, что это классно, маскарадов у нас сроду не было, и вообще интересно посмотреть, кто кем будет. Другие, в основном, мальчишки, называли идею ГЛ «полным отстоем» и «отрыжкой социализма» и заявляли, что она годится только для старшей группы детсада. Оставшиеся помалкивали в тряпочку, то ли опасаясь высказать свое мнение, то ли вовсе его не имея. Но, судя по отдельным репликам, почти все готовили какие-то костюмы, а, может, и номера. М-да, энергию бы ГЛ, да в мирных целях...

От костюма Человека-невидимки мне всё же пришлось отказаться. Разубедила меня мама, с которой я поделилась этой блестящей, на мой взгляд, идеей. Маме же она категорически не понравилась, и часть её доводов заставила меня задуматься. Во-первых, сказала мама, зачем превращать себя в мумию по собственному желанию? А первая ассоциация при виде сплошных повязок будет именно с мумией, про Человека-невидимку вспомнят единицы, если вообще кто-то, и прозвище может приклеиться очень быстро. Во-вторых, кто и когда будет эти самые повязки бинтовать? У Наташки свой грим сложный, ей будет не до меня, самостоятельно это сделать очень затруднительно, а к кому-то ещё я за помощью точно не обращусь. В-третьих, под повязками очень жарко, в тёмных очках и шляпе вечером почти ничего не будет видно, – и смысл городить огород? Чтобы сидеть, обливаясь потом, полуслепой, а в результате ещё и заработать жуткую кличку до окончания школы? И главное, добавила мама, зачем выбирать костюм, который тебя не то что не красит, а откровенно уродует?! Чтоб порадовать кого-то своей дуростью?

Ну, на счёт «не красит» я бы с ней ещё поспорила, но вот «технические» сложности меня действительно озадачили. Моя отсидка дома оставляла мне уйму свободного времени, и как-то раз я попробовала забинтовать себе хотя бы лицо. Оказалось, что это адская работа! Бинт постоянно путался, отверстия для глаз получились какие-то косые и разновеликие, вся голова бугрилась перекрутками, без которых бинт решительно отказывался вообще держаться! То, что получилось в итоге почти двухчасового труда, представляло собой зрелище явно не для слабых нервов. В общем, от идеи пришлось отказаться, а жаль!

Мама, с её литфаковским прошлым, предложила Джен Эйр, тем более что недавно по телеку как раз повторяли соответствующий фильм. Я отказалась наотрез: уж лучше Машей-без-Медведя! После

того, как я последовательно отвергла «прекрасную каталонку» Мерседес, бывшую невесту графа Монте-Кристо, Скарлетт О'Хара, Клеопатру и кучу других романтических образов, мама пришла в ярость и сказала:

– Ну, и оставайся, как есть – Люсей Сеницыной, – и мстительно добавила, – ученицей третьего класса!

Я подумала – и согласилась.

Книжку Ирины Пивоваровой «О чём думает моя голова. Рассказы Люси Сеницыной, ученицы третьего класса» я впервые услышала в исполнении родителей, когда мне было лет пять. Причём читали они её вместе: всех мальчишек озвучивал папа, а всех девчонок – мама. Тогда-то я, ещё совсем малявка, просто покатывалась со смеха, слушая Люсины рассуждения о жизни и одноклассниках. Научившись читать, я с удовольствием перечитала знакомые рассказы и втайне гордилась, что меня зовут точно так же, как такую замечательную девочку. Всё рухнуло в одночасье, когда в пятом классе я дала почитать эту книжку своей тогдашней подружке Оксанке Пономаревой. Та прочитала, рассказала Кате, Катя – Светке, Светка – Костику... Через пару дней, когда я пришла в школу, меня встретили дружным воплем: «Привет с далёкого севера! Как поживает ваш муж Синдибобер Филимондрович?» И сколько я не пыталась объяснить, что книжка не про меня, никто меня и слушать не желал. На уроках мне слали дурацкие записки про Колю Лыкова, на переменах просили поиграть на скрипке, шептали «Ял-кво-кыл!» и прикладывали палец к губам, короче, так задразнили, что домой я прибежала в слезах и кинулась к маме с криком: «Зачем вы меня так называли?! Я не хочу быть Люсей Сеницыной!» Мама утешала меня, как могла, а потом поговорила с нашей учительницей по литературе, и та на внеклассном чтении устроила обсуждение этой книги. Сначала все хихикали, но урок есть урок, и постепенно смех утих. А в итоге выяснилось, что на самом деле героиня книги всем очень понравилась и все хотели бы с ней дружить. И вообще, что книжка хорошая, и умная, и весёлая, и учит людей понимать и много ещё чему. В конце урока учительница сказала, что не легко жить с таким именем, потому что оно ко многому обязывает, – тут народ зашушукался и стал поглядывать на меня с сочувствием. И на этом все дразнилки кончились. И всё пошло по-прежнему, только я стала умнее, а сочетание «Люся Сеницына» стараюсь не употреблять без крайней необходимости. Или «Люся», или «Сеницына», – вот так как-то.

В качестве имиджа литературного героя «Люся Сеницына» подходила вполне: у ГЛ не будет повода придраться, уж она-то книгу наверняка читала, а с точки зрения костюма особых заморочек тоже не было, почти все девчонки выпускного класса приходят на «последний

звонок» в винтажных нарядах а ля школьная форма, соорудить его можно за полдня. Чем я, собственно, и занималась в последние дни моих вынужденных каникул. И даже придумала номер – стихотворение Агнии Барто «Мы с Тamarой ходим парой». Пусть народ вспомнит детство!

...Парень стоял, прислонившись к стволу берёзы, прикрытый от взглядов старым кустом сирени, и наблюдал за суматохой на школьном крыльце. Двери школы то и дело открывались, выпуская то стайку галдящей малышни, то группки шести- и семиклассников, то женщин разного возраста, как правило, в сопровождении любимого чада. Потом крыльцо как-то резко опустело, и только ветер неумолимо пытался загнать вверх по ступенькам сухие листья. Подросток потянулся, поделал махи руками, попрыгал с ноги на ногу и снова прислонился к берёзе, не проявляя никаких признаков раздражения. Судя по хмурому лицу, думы у него были не весёлые.

Дверь школы бабахнула так, что чирикавших на асфальте воробьёв как будто ветром сдуло. На крыльцо спиной вперёд вывалился высокий парень, энергично боксирующий сразу с двумя оппонентами. За ними с хохотом выпорхнули девицы в стильных курточках и ботиночках, следом потянулись романтические парочки и, наконец, крыльцо опять опустело. Парнишка подобрался и удвоил внимание.

Минут через пять на крыльцо вышли две девчонки, – одна, рыжевато-русая, повыше, вторая, пепельноволосая, чуть пониже. Они о чём-то говорили. На последней ступеньке замедлили шаги, дружно засмеялись, кивнули друг другу – «пока!» и разошлись в разные стороны. Пепельноволосая бодрой рысцой побежала в проход между окружавшими школу пятиэтажками, высокая неторопливо побрела к автобусной остановке.

Парень ещё раз огляделся вокруг – площадка перед школой вновь опустела, – и вышел из-за кустов. Догнать рыжеволосую было делом двух минут.

– Люсь, погоди! – окликнул он со спины. Девчонка вздрогнула и обернулась.

– Хай, Мидори-тян! – сказал он и улыбнулся.

11.

Великий день наступил. Сегодня ГЛ даже отпустила нас с литературы, «чтоб отдохнули и подготовились получше», как она заявила. Насколько я понимаю, все, кто хотел, уже подготовились, но спорить, конечно, никто не стал. Я тоже пошла домой, в первый раз за эту неделю – одна.

Все последние дни я ходила, словно во сне. Утром Пашка поджидал меня на остановке, и мы ехали в школу вдвоём, а после

уроков то один, то вместе с Родом он ненавязчиво пристраивался к нам с Наташкой, и как-то так выходило, что всей компанией мы доходили до моего дома, где мне оставалось только попрощаться. Он не забирал у меня рюкзак, не пытался меня лапать, самым большим его комплиментом за это время было: «Ты лохматая, как белка после дождя!» По утрам после ставшего привычным: «Привет, поехали?» – он начинал пересказывать сюжет очередной просмотренной анимэшки и рассуждать о диких или не диких, с его точки зрения, обычаях и характерах японцев. Я в основном отмалчивалась или хмыкала. Пару раз, не выдержав, я кидалась в спор и, забывшись, поднимала на него глаза: он смотрел, прищурившись, непонятно, и я опять поскорее пряталась в свою раковину. «Рак-отшельник!» – вечно сердится мама, когда в незнакомой компании я сижу, как язык проглотив, и стараюсь не отсвечивать.

Наташка пробовала приставать ко мне с расспросами, но быстро отстала, получив в ответ красноречивый взгляд. Какие расспросы?! Я сама не могу в себе разобраться. Мне хочется, чтоб Пашка был всегда рядом, – и в то же время я цепенею при мысли, что он вдруг попробует меня обнять. В классе мне периодически кажется, что за моей спиной девчонки переглядываются и понимающе усмеваются: ну, вот и до Синицыной очередь дошла! Попалась, птичка! В такие моменты я смотрю на Пашку злым взглядом и демонстративно отворачиваюсь к Наташке. Потом мне становится стыдно. Кидает в жар и в холод. Ни с того ни с сего ладони становятся влажными, а речь спотыкается на ровном месте. И так же внезапно, от одной его улыбки или просто звука голоса меня охватывает счастье, огромное и беспричинное! Кто бы рассказал раньше – ни за что бы не поверила.

Свою «школьную форму» я отгладила ещё вчера. Ничего особенного: тёмная юбка чуть выше колена, белая блузка-рубашка из маминых запасов и самый писк – чёрный школьный фартук, который мама скроила и сшила собственноручно. Когда я вечером влезла во всё это, заплела волосы в две косы и с маминой помощью уложила их в «корзинку» на затылке, мама едва не прослезилась. Во всяком случае, глаза у неё подозрительно заблестели, а голос задрожал.

– Вот так и не заметишь, как дочка невестой станет!

– Заметишь, заметишь! – утешающее пробормотала я, разглядывая себя в зеркале.

Смотрелось забавно. Белые лопухастые банты на голове в сочетании с формой и красным галстуком на груди делали меня похожей на Алису Селезневу в фильме «Гостья из будущего». Выглядела я максимум шестиклассницей, и от этого ощущения были довольно странные: вроде я – и не я. Но уродливым это точно не было.

В школе мы должны были собраться к семи вечера. ГЛ заранее предупредила, что на переодевание и грим даст не больше получаса, а потом кто не успел, тот опоздал! Нужно было ещё подойти к Роду и сообщить ему, под каким именем тебя объявлять, – эти имена хранились в страшной тайне, так что даже ГЛ их не знала.

Я переделалась дома, влезла в старый мамин плащ, который висел на мне, как на вешалке, зато отлично всё скрывал, пониже опустила капюшон и отправилась на «бал» так, чтоб войти в школу минут за десять до начала.

Сюрпризы начались уже в вестибюле.

– На классный час? К Разумовской? – спросил меня на входе широкоплечий охранник. – Фамилию, пожалуйста!

Он сделал пометку в списке и пояснил:

– Если просто раздеться надо, костюм готов, то в свою обычную раздевалку и потом в актальный зал. Если надо переодеться, то девочки – в кабинет литературы.

– А мальчики? – поинтересовалась я.

– А мальчики – в раздевалку спортзала.

Пожав плечами, я отправилась по коридору. В раздевалке висели куртка Наташки и клетчатое пальтишко Ани Беркетовой, значит, эти двое были уже в костюмах. Пристроив свой плащ на крючок, я поднялась по лестнице на второй этаж, к актовому залу. У дверей в настоящем бархатном кафтане с золотым позументом стоял незнакомый седоватый мужчина, больше всего похожий на принаряженного гнома из «Белоснежки». В руках он вертел посох явно из комплекта Деда-Мороза.

– А где Род? – спросила я, даже не поздоровавшись от удивления.

– Я за него, – приосанился мужчина и, заметив моё недоумение, неожиданно подмигнул. – Переодевается твой Род, смена состава. Ты кто будешь, красавица? Как выкликать?

– Люся Синицына, ученица третьего класса, – на автомате оттарабанила я, теряясь в догадках, кто этот дядька. – А... заходить можно? Там уже есть кто-нибудь?

– Сейчас объявим честь по чести – и зайдешь! – сообщил дядька, расправил плечи, зашел в актальный зал и гулко стукнул посохом об пол.

– Мадемуазель Люсья Сьиницына, гимназистка! – громко объявил он и отступил в сторону, освобождая мне проход. Я глубоко вдохнула и переступила порог.

В зале было полутемно и как-то... необычно. Лампы горели только за кулисами небольшой сцены и в дальних углах, на оконных шторах и занавесе были прикреплены вырезанные из бумаги изображения старинных шандалов со свечами. Тихонько играла музыка, какую-то неопределённо знакомую классику. Простые

деревянные стулья, на которых мы рассаживались на торжественных мероприятиях, сегодня были сдвинуты по несколько штук вместе и задрапированы чем-то типа старых штор, так что получились узенькие диванчики, стоявшие полукругом перед сценой, оставляя свободным широкий проход. У самой сцены в роскошном кресле с гнутыми ножками нервно обмахивалась веером наша ГЛ – в натуральном бальном платье с голыми плечами и бархоткой на шее! Я настолько поразилась, что встала столбом посреди прохода.

– О, que charmant! Я очень рада вас видеть, мадемуазель Люси! – Галина Леонидовна вспорхнула с кресла и двинулась мне навстречу.

– Прелестный, прелестный наряд! Он, вероятно, задуман как иллюстрация? – чирикала она, крепкой рукой подхватив меня под локоть и направляя к одному из диванчиков.

– Э-э... да! – промямлила я, сообразив, что ГЛ не знает моего номера. – Я... э-э... прочту стихи... о школе.

– Magnifique! – одобрила ГЛ. – S'il vous plaît!

Кивком указав мне место, она поспешила к дверям, где снова грохнул об пол посох Деда-Мороза. Я завертела головой, высматривая Наташку. Они с Аней, хихикая, уже махали мне с противоположного конца диванного полукруга. Мама дорогая! Наташка выглядела точно, как бабка-ёжка в мультике «Летучий корабль». Аня, похоже, была лисой Алисой, во всяком случае, у неё на голове красовалась шапочка с ушками, а на шее – роскошный воротник из рыжей лисы. Мне неожиданно стало весело. Я засмеялась, помахала в ответ и с интересом начала рассматривать постепенно подтягивающихся бандерлогов.

...Он спешил. Он очень спешил, потому что дел ещё было полно, – вагон и маленькая тележка. Что-то нужно было придумать на ноги: не в кроссовках же идти! Голову нужно было помыть и по-быстрому высушить маминым феном. Отглаженная с вечера рубашка висела на плечиках вместе с чёрным шёлковым шарфом, из которого предстояло соорудить галстук. И жрать хотелось невообразимо, надо обязательно перекусить, а то забурчит в животе в самый неподходящий момент... Поэтому он не сразу даже понял, когда его окликнули:

– Синий! Эй, Синий! Куда несёшься?

Его ощутимо толкнули в плечо, тогда он, наконец, остановился и глянул на наглеца. Это был Колян из пятнадцатого дома, рано вымахавший восьмиклассник, ничем не примечательный, кроме, разве что, умения ловко и точно подбивать камешками голубей, которых он затем продавал бомжам «на мясо». Натолкнувшись на свирепый взгляд, Колян сразу струсил и отшатнулся.

– Ты чё, Синий, я кричу-кричу...

– Чего надо? – хмуро спросил мальчишка и разжал кулаки. – Я тороплюсь.

– Тебе... ну, это... Кошак передавал... ну, мол, передай привет и спроси, когда должок, мол, отдаст, – затараторил Колян, явно обрадовавшись.

– Какой ещё должок? У меня с Кошаком дел нет.

– А... это, айфон! Ну, за девчонку! Сказал, мол, или слово пусть держит, или он сам ей про ваш базар расскажет! Ну, чтоб знала, – Колян предусмотрительно отступил ещё на шаг и шмыгнул носом.

Мальчишка молчал.

– И, это... сроку тебе неделя, как вы на месяц спорили. Вот. И чём мне Кошаку сказать? – Колян опять забеспокоился, не понимая, в чём дело.

Мальчишка молчал, и только костяшки пальцев, снова сжатых в кулаки, побелели.

12.

Я вылетела за дверь и увидела давешнего «гнома» в кафтане с позументами. Он откинулся на спинку стула и, похоже, дремал, однако на звук шагов открыл глаза и удивился:

– Ты куда так рано? Или не понравилось?

Я мотнула головой и выдавила:

– Нет, нормально... Мне... надо.

– А-а... Ну, иди, иди! – «Гном» снова закрыл глаза и слегка всхрапнул.

Я пробежала по коридору к параллельной лестнице и замерла на площадке, прислушиваясь.

Дверь актового зала грохнула, послышались голоса. Я, не дожидаясь, чем дело кончится, быстро скинула школьные «балетки» и на цыпочках понеслась наверх. На площадке четвёртого этажа, совсем задохнувшись, я на секунду замерла, привалившись к стенке. Сердце колотилось, как барабан.

– Люся! Ты где? – тихонько позвали снизу. Меня прямо затрясло. Я рукой зажала рот, чтобы не вскрикнуть, и старалась дышать беззвучно.

– Люся?! – Пашка постоял ещё минуту, тоже прислушиваясь, и побежал по ступенькам вниз. Я на цыпочках зашла в тёмный коридор, пробралась в рекреацию и без сил опустилась на подоконник. Голова плыла, в ушах звенело.

А как здорово всё началось!..

...В принципе, так уже не раз бывало: наши бандерлоги сначала встречали очередную идею ГЛ возмущёнными воплями, стёбом и прочей обструкцией, били себя пятками в грудь, уверяя, что «никогда!» и «ни за что!», а потом как-то незаметно оказывалось, что все уже что-то делают, копошатся, видоизменяют-переигрывают, ГЛ железной рукой

проводит основную линию, а в итоге получается очень даже «не хило» и «Голливуд отдыхает». Так вышло и на этот раз.

Актный зал постепенно заполнялся. Дядька-дворецкий от души бил посохом по полу и зычно выкрикивал новые имена.

Следом за мной, как всегда, вместе пришли Юля-большая в костюме Золушки и Юля-маленькая – Красная шапочка. Явился Род, по пояс голый, обмотанный красным шарфом по талии, на руках – металлические браслеты откровенно байкерского вида, назвался Конаном-варваром. Я одобрительно хмыкнула: похож, и новая кличка точно пристанет. Ленке Ермаковой очень шли распущенные светлые волосы, перехваченные головной повязкой с височными кольцами. Как я поняла, она была Сольвейг. Макагонова мела пол цыганскими юбками и звенела бижутерией, пытаясь трясти плечами, – изображала Кармен. Накрашена она была похлеще Леди Гаги, но смотрелась классно, – нехотя призналась я самой себе. Потом толпой завалили мальчишки: д'Артаньян, Владимир Дубровский, кот Базилио, Верная Рука-друг индейцев. Пришла Ольга Васильченко – Джен Эйр (я вспомнила мамины уговоры и усмехнулась). Антон Веселкин принёс гитару – а я и не знала, что он играет! – и был аттестован как Денис Васильев, гусарский поручик. Галина Леонидовна только рот открыла, когда он щёлкнул перед ней каблуками и расцеловал обе ручки. Антон подмигнул народу и подсел к Романовой-Наташе Ростовой.

Посох грохнул об пол в очередной раз: появилась Татьяна Ларина, больше известная как Ирка Комарова. ГЛ отправила её на диванчик к гусару и Романовой. Дядька-дворецкий снова выкрикнул: «Татьяна Ларина, дворянка!» – и, видно, сообразив, запоздало добавил: «Э... Ивановна!» Бедную Полину встретили сдержанными смешками, а ГЛ устроила её подальше от Ирки. Когда же «Татьяна Ларина, дворянская дочь!» прозвучало в третий раз, в зале начался хохот. Я тоже хохотала и пропустила появление Пашки. Он уже раскланивался с ГЛ, когда до меня дошло, что высокий парень с бледным напряжённым лицом в шёлковой белой рубашке, чёрном платке на шее, чёрных брюках и сапогах – это Пашка. Он был сам на себя не похож. ГЛ тоже что-то заметила, потому что, подняв руку, пощупала ему лоб, как у больного. Пашка отрицательно покачал головой и криво улыбнулся. Я чуть не подскочила на месте, мысленно крича «Я здесь!», но тут к нему подошла Макагонова, взяла за руку, начала разглядывать ладонь и водить по ней пальцем, типа «гадать» – и Пашка улыбнулся уже нормально, а я закусила губу и начала разглаживать на коленях свой фартук.

– Привет! – на диванчик рядом со мной плюхнулся Олег Тарасик, одетый один-в-один, как Пашка, только рубаха у него была чёрной. Сговорились они, что ли?

– Ты кто? – спросил он весело, кивком указав на мою школьную форму.

– Люся Синицына, ученица третьего класса, – нехотя ответила я, чувствуя себя полной дурой.

– Круто! – одобрил он. – А я капитан Немо.

На мой взгляд, на Немо он ни капельки не походил, но я не стала его разочаровывать.

– Как тебе вообще? – он помахал в воздухе рукой.

– Вроде ничего. Забавно. А ты что будешь делать? Стихи читать? – спросила я.

– Нет, зачем? Я буду фокусы показывать. Он же из Индии, капитан Немо, а там факиры, вот я и решил.

– А ты умеешь?

– Хочешь, покажу? – Тарасик провёл ладонью у меня перед глазами, сжал руку в кулак, пробормотал «ахалай-махалай» и разжал пальцы. На его ладони лежал кусочек шёлка, золотистый с зелёной каймой. – Бери, это тебе.

– Здорово! А как ты?.. – я в изумлении подняла на него глаза и засмеялась. – Никогда не понимала фокусов!

– Потом объясню. Тш-ш... Слушай, ГЛ говорит.

Действительно, Галина Леонидовна, она же графиня Разумовская, с жаром и в самых изысканных выражениях приветствовала нас на маскараде, вернее, на карнавале, так как масок не было ни у кого. Нам сообщили об ожидающих впереди сюрпризах, игре в «фанты» (совсем уже!), а также о прибывших на бал знаменитых исполнителях («Мы к вам заехали на ча-ас! Привет, бон жур, хэлло-о!») и конкурсе на лучшую фразу об осени (ну да, это же репетиция к «Осеннему балу!»).

– А теперь – вальс! – Галина Леонидовна махнула веером в сторону кулис, за которыми явно прятался музыкальный центр с диджеем, и в зале зазвучала смутно знакомая и почему-то щемящая душу мелодия, – Штраус, Чайковский?

Народ сидел на местах, как пришитый.

– Танцуют все! – ГЛ отчаянно пыталась спасти положение, улыбаясь и делая руками приглашающие пассы. Я уставилась в пол, чтоб не смотреть на её унижение, и вдруг услышала шепот Тарасика: «Пойдём, Люсь?»

Он уже встал и по всем правилам предлагал мне руку.

– С ума сошел?! В таком платье?! – зашипела я в ответ.

– Наплевать! Пойдём! – он схватил меня за руку и поднял с диванчика. Его правая рука подхватила меня чуть ниже лопаток, левая сжала кисть, и – раз, два, три! – он повёл меня по залу широкими плавными кругами. Я вцепилась в его плечо, привстала на цыпочки...

и ноги сами сделали всё остальное. Вообще-то папа дома учил меня танцевать вальс, но одно дело дома, а совсем другое – здесь, на глазах у всех, впервые, в обнимку с парнем да ещё в юбке, которая категорически для вальса не предназначена!

– Так и будешь танцевать, зажмурившись? – услышала я насмешливый голос Олега и открыла глаза.

Оказалось, танцевали мы уже не одни. Антон Веселкин кружил Романову с видом профессионального танцора. Вовка Сердюк-Базилио с Аней Беркетовой-Алисой выделяли какие-то танцевальные фигуры, умудряясь попадать в ритм. ГЛ учила вальсировать Верную Руку-Макса Грищенко, который покорно отступал, наступал и пытался крутить её на месте. Я перевела глаза на своего партнёра и виновато сказала:

– Я тебе, поди, все ноги истоптала?

– Я мечтал об этом всю свою сознательную жизнь! – сообщил в ответ Олег, и мы засмеялись. И дальше болтали уже просто так, пока музыка не кончилась, и он не повёл меня на место. Народ шептался, пересмеивался, кое-кто показывал танцорам оттопыренные большие пальцы, и вообще обстановка явно разрядилась.

ГЛ не зевала и тут же ухватила бразды правления.

– Друзья! Я недаром говорила вам о сюрпризах! К нам прибыл гость из далёкой таинственной Индии! Принц Даккар, более известный европейцам как капитан Немо, познакомит нас с искусством знаменитых индийских факиров!

Олег, только что пристроившийся рядом со мной на диванчике, подскочил, как ошпаренный, и прошипел сквозь зубы что-то явно нецензурное.

– Ни пуха! – шепнула я и получила в ответ нервное «К чёрту!» Народ загомонил погромче, пока Олег, нахлобучивший какой-то тюрбан, вытаскивал из сумки свои «волшебные» принадлежности. Я поискала глазами Пашку и с облегчением увидела его в компании мальчишек: они оживлённо болтали о чём-то, тыкая пальцами в гитару Антона. Внезапно грохнули по ушам какие-то трубы, все от неожиданности заткнулись, и «факирские» фокусы начались.

Потом Вовка Сергеев от лица Владимира Дубровского прочитал из Пушкина «Я вас люблю! Хоть я бешусь...» ГЛ прямо расцвела и с чувством чмокнула его в лоб. Потом все тянули номера из пакета и по ним искали себе пару (я похолодела, представив, что моей парой будет Макагонова, но пронесло!), и в этих парах учились танцевать польку, – занятие настолько идиотское, что все ржали, как дураки, и я в том числе. Наскакавшись, мы упали на диваны, и дядька-дворецкий разносил бокалы с холодной газировкой. Потом Антон Веселкин, потряхнув кудрями, взялся за гитару и, задорно поглядывая на ГЛ, выдал:

Опять скрипит потёртое седло,
И ветер холодит былую рану...

– Пора-пора-порадуемся на своем веку! – грохнули все хором знакомый припев, а после песни захлопали, засвистели, затопали ногами.

Первоначальный порядок полетел ко всем чертям, народ уже тусовался вовсю, и только Галина Леонидовна ещё пыталась соблюсти видимость бала. Я видела, как она поспешно ушла за кулисы, видно, чтоб переговорить с диджеем, но тут на мой диванчик снова плюхнулся Тарасик.

– Хочу свалить! – сказал он. – Уже тоска. Ты как? А то давай вместе!

– А как же номер? – брякнула я, хотя номер был здесь совершенно не при чём.

– Ты думаешь, кто-то будет тебя слушать?! Ну, хочешь, я послушаю... только потом, ладно? Надо рвать когти, пока ГЛ не вернулась! – Олег потянул меня за руку, вставая.

– Уже уходите? – с интонацией винни-пуховского Кролика очень неприятным голосом осведомился Пашка, появившись, как из-под земли. – Мне кажется, или дама против?

Я ещё раз поразились их нечаянному сходству: оба высокие, тонкие, в тёмных брюках и сапогах, только Синельников блондин в белой рубашке, а Тарасик брюнет и в чёрной. Мальчишки стояли, как петухи, обжигая друг друга взглядами.

– Все нормально, – быстро сказала я. – Я просто... подышать хотела!

– Успокойтесь, капитан Блад! Этот приз вам не взять! – внезапно ухмыльнулся Тарасик, снова цапнув меня за руку, так что я невольно дёрнулась.

– Пусти её, ты! – Пашка будто взбесился. Он рванул мою руку из пальцев Олега и так двинул того в плечо, что Тарасик отлетел в сторону.

– Паша!!!

– Синельников!!!

– Вы чё, пацаны?!

Тарасик неловко поднялся с пола, пошевелил плечом, болезненно сморщился и внезапно остро взглянул на Пашку.

– Она твоя, что ли?! Купил её?! За сколько?! А ты знаешь, Синицына, ведь он...

Пашка молча бросился на него и сбил с ног. К ним сейчас же кинулись подбежавшие парни, начали растаскивать, кто-то из девчонок завизжал, от сцены спешила ГЛ с белым, как стенка, лицом. А над залом плыли негромкие аккорды «Вальса цветов» Чайковского.

...В учительской пахло лекарством. Невысокая худощавая женщина, закрыв глаза, массажировала себе виски, откинувшись в старом

кресле. Седоусый мужчина в совершенно неуместном здесь камзоле с позументами ходил из угла в угол и утешающе гудел:

– Галь, да плюнь, успокойся! Ну, подумаешь, пацаны из-за девчонки сцепились! Да это нормально! Не напились же, не ширялись, не поубивали никого! Завтра помирятся... а не помирятся, так разбегутся, делов-то куча!

– Дел, – всё так же не открывая глаз, поправила женщина. – Не «делов», а «дел».

– Ну, пусть «дел»! Чего убиваться-то?

– Ты не понимаешь! – Женщина открыла глаза и резко выпрямилась в кресле. – Как ты не понимаешь?! Они не просто из-за девчонки подрались, там что-то ещё, а я не знаю, что! И все молчат, будто языки проглотили!

– Галь, ты ведь не господь бог, чтоб всё знать-то! – резонно заметил мужчина. – И не скажет тебе никто ничего, я бы и сам не сказал в этом возрасте. Это их дела, и они сами их решат.

– Они решат! – голос женщины язвительно взлетел. – Они нарешают! Им всего-то семнадцать, и большая часть без царя в голове! Они друг друга поубивают и в колонию сядут, а я буду им передачки носить! Ты вот не знаешь, что девочку эту, Синицыну, неделю назад избili ни за что, а я знаю! А теперь Тарасик! А завтра Романова!

Голос женщины сорвался, и она всхлипнула. Мужчина шагнул к ней, чтоб обнять, но в этот момент дверь приоткрылась и в учительскую заглянула девчужка с потёками грима на лице.

– Здравь... Галин... Леонид... – затараторила она, глотая слоги. – Люсь... дома, я ей на мобил... – недоступен, я на домашний... мама трубку взяла. Я типа срочно уточнить по физике, а мама... «она вроде заснула, будить не хочу, давай завтра». В общем, порядок, не беспокойтесь. Я побегу, ладно? До свиданья!

Девочка исчезла, за дверью послышался топот, потом лёгкий взвизг и смех.

Двое взрослых молча смотрели друг на друга.

13.

Увидев меня на пороге, мама прибавила глаза:

– Что-то ты рано... Случилось что?

– Голова заболела, – буркнула я, старательно выпутываясь из плаща. – Я лягу, мам, ладно?

– Цитрамон съешь! – мама, может, и привязалась бы ко мне, но из зала как раз послышалось жизнерадостное скандирование: «Это – «Голос!»), и она вернулась к телевизору.

Я зашла в ванную вымыть руки, повернула кран и застыла, уставившись на хлынувшую воду.

В голове было пусто. Ну, вот вообще ни одной мысли. Перед глазами всё ещё стояло лицо Пашки, когда он ударил Тарасика, – жёсткое, беспощадное... и какое-то потухшее. До меня только сейчас дошло, что раньше я никогда не видела драк вблизи. Так, тычки и пихания плечами наших мальчишек на переменах да изредка фингал под глазом у ещё недавно целого «героя». Но чтобы так... совсем рядом... из-за меня... Это, оказывается, страшно! Меня опять пробил озноб.

Я поспешно намылила руки, сполоснула их, плеснула воды в лицо, ещё и ещё раз, и, мазнув по лицу полотенцем, выскочила из ванной. В своей комнате я прикрыла дверь, быстренько разделась и юркнула под одеяло с головой. Там, в тёплой, тёмной, немного душной тесноте мне стало легче. Там была только я: моё тело, моё дыхание, – и не было причины дрожать и всхлипывать.

– Уеду к деду. Прямо на осенних каникулах. Буду играть с ним в шахматы и ходить в лес. Уеду! Уеду! – твердила я сама себе, пока совсем не задохнулась под одеялом. Пришлось высунуть нос наружу, и тут же, как будто дожидался этого, зазвонил телефон. Я услышала мамин голос, дверь в мою комнату приоткрылась.

– Люсь, ты спишь? – тихонько позвала мама и, не получив ответа, вернулась к телефону. – Она вроде заснула, давай завтра, Наташ! Утро вечера мудренее. Спасибо, и тебе спокойной!

Мама положила трубку и ещё немного постояла у телефона. Я прямо видела эту её задумчивую гримаску: губы сжаты и немного вытянуты вперёд, глаза прищурены, лицо хмурое. Мама терпеть не может чего-то не понимать, всеми способами старается докопаться до сути, но уж будить меня из-за этого точно не станет. Так что есть время до завтра, чтобы придумать, что ей соврать.

Я люблю своих родителей. Можно сказать, мне с ними повезло. Они не просто нормальные: не алкаши, не деспоты, не невротики, а с ними ещё и интересно, и поговорить можно, и поспорить, и подлизнуться при необходимости.

Но есть вещи, которых они не понимают просто потому, что в «их время» такого не было. И есть вещи, которые хоть тогда и были, но сейчас воспринимаются совершенно по-другому. И, наконец, есть вещи, которые я просто не хочу ни с кем обсуждать, – ни с мамой, ни с Наташкой, ни с кем!

Я сама должна разобраться. Сама понять. Сама решить. «Кто, если не я?» – я усмехнулась неожиданной ассоциации и поудобнее повернула подушку. Как там боролась с неприятными мыслями Скарлетт? «Я подумаю об этом завтра».

Утром я проснулась поздно и одна в квартире. Отец был на дежурстве, мама оставила на кухонном столе записку из серии «суп в

холодильнике-вымой посуду-у меня дела», так что фактически я была вольна, как ветер. Задумчиво жуя огрызок колбасы, я смотрела в окно и прикидывала возможные варианты действий. Можно позвонить Наташке и узнать, чем всё кончилось. Можно позвонить Пашке, сказать ему, что он дурак, и попытаться выяснить, отчего он взбеленился. Можно вообще не трепыхаться, залезть в Инет, отключить внешние раздражители типа телефона и смотреть любимые анимэ до посинения. Можно выкинуть всё из головы и просто пойти погулять в парк, что сам Бог велел в такую классную погоду...

При свете солнца все вчерашние страсти казались какими-то не настоящими. Ну, будто это не со мной, а в кино. Правда, что ли, в парк пойти? Я натянула джинсы, кроссовки, стянула с вешалки любимую чёрную куртку и вышла из дома.

Сюрприз номер раз: у подъезда на скамейке сидел Тарасик. Увидев меня, он вскочил и замялся, не зная, видимо, что сказать. Я тоже растерялась и от растерянности не особо любезно буркнула:

– Ты чего здесь?!

– Я... – на Тарасика было жалко смотреть. – Я... тебя ждал. Чтобы поговорить. Здравствуй, Люсь! – спохватился он, постепенно приходя в себя.

Последнее я проигнорировала и сразу перешла к сути.

– Ну, вот она я. Говори, раз дождался.

Тарасика это явно задело, он сразу выпрямился и заговорил суше, без романтических придыханий.

– Я хотел... извиниться. За вчерашнее.

– Ты?! Ты-то причём? – я обалдело на него уставилась. Это уж совсем какой-то Рауль де Бражелон, благородство до идиотизма!

Олег огляделся и просительным тоном сказал:

– Люсь, пойдём куда-нибудь! Мне нужно тебе много чего рассказать, а здесь... – он снова повертел головой, – неудобно, люди ходят... и вообще.

Я пожалала плечами: пойдём – так пойдём, и молча двинулась к парку.

Сюрприз номер два: вдоль залитой солнцем улицы ощутимо тянул ветерок, уже не тёплый, а вполне себе предзимний, зябкий, пронизывающий. Я поёжилась и засунула руки в карманы. Тарасик молча шагал рядом, наверное, собирался с мыслями.

В парке было пустынно, только по главной аллее степенно вышагивали мамы с колясками, выгуливали младенцев. Я сразу свернула направо. Там за поворотом аллеи была куртина старой сирени с лавочкой – и на солнце, и за ветром, сразу согреемся. Села на скамейку, приглашающе махнула Тарасику рукой – прошу вас, сэ! Он осторожно опустился рядом и сразу же страшно заинтересовался

своими руками: начал сгибать и разгибать пальцы, сцеплять их в замок, потирать и потряхивать, – как будто никогда их не видел и будто за этим мы сюда и пришли. Я взглянула на него вопросительно и для полной ясности добавила:

– Ну и?..

Тарасик в последний раз крепко сжал пальцы, так что проступили суставы, и неожиданно спросил:

– Люся, ты Пашку... любишь?

«Да! Нет! Тебе-то какое дело?! Мы за этим сюда пришли?» – вихрем пронеслось у меня в голове. Я лихорадочно соображала, что ответить, и, наконец, выбрала самое нейтральное:

– А что, это важно?

– Да, – твёрдо сказал Тарасик. – Если любишь – это одно, а если нет – совсем другое.

– Две большие разницы, как говорят в Одессе, – тихонько пробормотала я и попросила:

– Олег, давай ты мне просто расскажешь, что хотел, а углубляться... не будем.

Тарасик опять согнулся, опершись локтями о колени, и всё так же разглядывая свои руки, начал охрипшим голосом:

– Мы с Синельниковым живём в соседних домах. Дома старые, их ещё пленные фрицы строили, стоят под углом друг к другу. А напротив – гаражи, тоже старые, и ряд тополей...

Я сидела, не понимая, к чему такое длинное вступление. Мы в Сибири тоже собирались ватагами, бродили по окрестностям, жгли в укромных местах костры и пекли в них картошку, – да кто этого не делал! Я даже головой помотала, чтобы сосредоточиться на том, что говорил Олег.

– ...Я стоял за тополями, от костра меня не было видно, но слышно было всё. И Пашка на тебя поспорил с Кошаком, это один парень, приклатнённый, не то рэкетир, не то... не знаю, в общем, да неважно!

– Как поспорил? – тупо спросила я, отказываясь верить тому, что слышу.

– Ну, как на девчонок спорят! Если он тебя... если он с тобой...

Тарасик начал заикаться.

– Если у него получится тебя... соблазнить, – Олег еле выговорил это слово, – то он выиграл. А если нет, то он отдаёт свой айфон Кошаку. Вот.

– Соблазнить, – повторила я. – То есть... трахнуть?

– Люся!

– А ты всё это слышал и решил меня предупредить? Мило. Спасибо большое.

– Люсь, я давно хотел тебе сказать! Я за Пашкой следил, я видел, как он тебе записку подсунул! Я сначала позвонить тебе хотел, но как такое по телефону... Я тебе записку написал, про ловушку. Ты получила? Люся, ты получила записку про ловушку?!

Я смотрела на вскочившего Олега, как будто из другой галактики.

– Записку? Да, получила, – ответила я механически, пытаюсь поймать ускользающую мысль. – Только это всё равно.

– Что всё равно?

– Всё. Поздно, Олег, раньше надо было.

– Но он же тебя предал! Он на тебя спорил! Он подонок!

– А чем ты лучше? – устало спросила я и встала. – Не ходи за мной. Я видеть тебя не хочу.

...Мобильник лежал на ладони. Девочка бездумно водила по нему пальцем, следуя округлым линиям пластика. Потом открыла крышку, нажала пару кнопок, приложила телефон к уху.

– Алло! Привет, Наташ! Да всё нормально, ерунда, это я с перепугу убежала! А когда все разошлись?.. Понятно. А как ГЛ? Ну, можно было ожидать. Слушай, погоди, у меня зарядка заканчивается, а я спросить хотела. Ты Пашкин адрес знаешь? Улица Котовского, дом пять, первый подъезд, второй этаж направо? А номер не помнишь? Точно направо? Ну ладно, пока! Не надо со мной идти, сама разберусь. Позвоню-позвоню. Пока!

Крышка захлопнулась. Девочка сунула телефон в карман куртки, минуту постояла на месте, покивала каким-то своим мыслям и пошла по аллее, не особенно торопясь, изредка подпिनывая ворохи листьев ногами.

14.

Дом номер пять оказался приземистой двухэтажкой с пятнами обвалившейся штукатурки и до сих пор сохранившимися печными трубами. «Неужели и сейчас топят?» – подумала я, но вообще-то меня это совершенно не интересовало. Я огляделась. Во дворе никого не было. Справа от меня за линией старых высоченных тополей просматривались те самые гаражи. Я, было, повернула к ним, но остановилась, поняв, что тяну время.

Теперь я сама не знала, зачем пришла. Плюнуть Пашке в лицо? Дать по физиономии? Потребовать объяснений? А смысл? Я же всё равно его люблю! Даже сейчас, после слов Олега! И пришла я, чтобы он мог оправдаться, чтоб я поверила, что всё это не важно и что всё останется по-прежнему. Мне внезапно захотелось завывать в голос, как воют на похоронах, когда слов уже нет. Глотнув воздуха, я вошла в подъезд, – как будто нырнула в тёмную воду.

Звонок булькнул чуть дребезжащий «бим-бом» и сразу смолк. Я нажала кнопку ещё раз. Тишина. Я опять подняла руку к кнопке, – и тут дверь открыли. В полутьме прихожей стоял Пашка – бледный, непривычно взъерошенный, в спортивной майке с голыми плечами и в «трениках».

– Проходи, – сказал он, ничуть не удивившись, и, развернувшись, пошёл вглубь квартиры. Я захлопнула дверь и пошла за ним.

В дальней комнате, видно, его собственной, Пашка сразу отошёл к окну и прислонился к такому же широченному подоконнику, как у меня. В комнате, которую я невольно окинула взглядом, была почти идеальная чистота, только на столе громоздились учебники, какие-то журналы, валялись ручки, торчали из-под книг провода, – в общем, царил знакомый творческий беспорядок. Тёмные шторы, постеры над низкой тахтой, стойка для дисков в углу. Пашка внезапно сорвался с места и выкатил из-за стола компьютерный стул.

– Садитесь, мэм! Чай, кофе? – Лёгкая улыбка на мгновение сделала его почти прежним Пашкой. Я молча покачала головой.

– Понятно, – угаснув, сказал он и снова отошёл к окну. – Но ты всё равно садись... – Он замялся, не зная, как меня назвать, и так и не закончил фразу.

Я села, чувствуя себя деревянной куклой. С минуту мы молча смотрели друг на друга.

– По-нят-но, – повторил Пашка, только медленно, как будто его тоже не слушался язык. – Кто тебе рассказал, Тарасик? Ну, кто же ещё! Он у нас мальчик правильный!

Пашка отвернулся к окну и шёпотом выдал тираду слов, для моего слуха явно непредназначенных. Повернулся ко мне снова.

– Зачем ты пришла? Сказать мне, что я сволочь?! Так я и сам это знаю. Или дать мне по морде? На, бей, пожалуйста!

Он метнулся от окна, опустился передо мной на корточки и подставил лицо.

– Ну, ударь меня, ударь!

Я, отшатнувшись, вскочила. Стул поехал назад на колёсиках, я потеряла равновесие, и Пашка, тоже вскочив, подхватил меня, чтоб не упала. Я уткнулась носом в твёрдое плечо, Пашкины руки обняли меня тёплым кольцом, он тёрся лицом о мои волосы и бормотал: «Люся, Люся, Люся!» Голова у меня закружилась, колени стали ватными. Горячими, чуть шершавыми губами он трогал моё ухо, спустился к шее, – по ней побежали ознобные мурашки, он прижимал меня всё крепче – «Люся, Люся, Люся!», мне уже чудилось, что сейчас мы загоримся...

– Пусти! – я вырвалась, оттолкнула его и, тяжело дыша, схватилась за спинку стула. Пашку трясло, грудь у него ходила ходуном.

– Люся!

– Ты спрашивал, зачем я пришла? – меня как будто прорвало, слова лились сами, я их не подбирала, не думала. – Я пришла сказать, что ты выиграл. Иди, скажи своему Кошаку или кому там, что ты выиграл! Или им надо, чтобы я сама сказала? Пошли, я скажу! И что ты меня трахнул, скажу, и лапать себя позволю, чтоб убедились! Ты ведь этого хотел: чтобы ты – герой и мачо, и круче тебя только яйца?!

Я не помню, что я ещё кричала. Пашка стоял с потрясённым лицом, никогда у него такого не видела. Когда слова закончились, из меня как будто вышел весь воздух, как из проколотого воздушного шара.

– Я пойду, – охрипшим голосом сказала я и повернулась к двери.

– Подожди, – сказал Пашка. – Я тебя люблю.

Я даже не повернулась. Я стояла, смотрела в пол и просто слушала, что он говорит. Слова доходили до меня, как сквозь ватную подушку, и всё равно царапали, словно наждак. Всё было так просто, так понятно! Как в кино. Вот только почему я снова чувствовала себя избитой?

...Когда Пашка был в седьмом классе, от них ушёл отец. Нашёл молоденькую куклу, как объяснила мать. Она всё не могла успокоиться, плакала, злилась, начала метаться: сегодня один мужик, завтра другой... А отец от «молоденькой куклы» через год тоже ушёл, нашёл ещё одну. И Пашке начало казаться, что всё, о чём в книжках пишут: высокие чувства, любовь, верность – всё враньё, нет никакой любви, только так – перепихнуться и разбежаться. Пацаны тоже твердили: «Секс, секс!», рассказывали невероятные истории, и хотелось быть не хуже других. Ну, и забавно было, как девчонки от пары слов головы теряли. Сам-то он не терял никогда. Пока не появилась я...

Пашка замолчал на пару минут, видимо, ожидая моей реакции. Я медленно повернулась. Он шагнул ко мне.

– А айфон я Кошаку ещё вчера отдал, перед балом этим. Я сам хотел тебе рассказать, чтоб ты от меня узнала! Люся, я, правда, не знал, что так бывает! Что я тебя... полюблю!

Последние слова он произнёс удивлённо, как будто сам себе не верил. И я не поверила тоже.

– НИКОГДА. КО МНЕ. НЕ ПОДХОДИ! – сказала я мёртвым голосом. – Я ТЕБЯ НЕНАВИЖУ.

И, неловко размахнувшись, дала ему пощёчину.

Дверь квартиры громыхнула за моей спиной. И только тут полились слёзы.

...Вечером, не зажигая света, обнявшись, на диване лежали женщина с девочкой и говорили о планах на лето. Голоса их звучали полусонно: время всё-таки было позднее.

– Копии аттестата после выпускного разошлю по институтам и давай, мам, махнём хоть на недельку к деду. Там уже грибы пойдут, земляника, в тайгу закатимся, – ты, я и папа! И никто нам больше не нужен, правда?

– Никто, – согласно кивнула головой женщина, но в темноте грустная усмешка тронула её губы, и они беззвучно добавили «пока».

А под окном, на расчищенном от листьев куске асфальта мальчишка выводил краской из баллончика огромные буквы:

ЛЮСЯ! ЛЮСЕНЬКА! Я ПРАВДА ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!

А листья всё летели.

Сентябрь 2012 – январь 2014

На первой странице обложки – рисунок Софьи Бестужевой (Москва)
«Одиночество в большом городе»
Тираж – 50 экз.

Издательство «Ник без Компані»